

МАРИНА
БОЛДОВА

Майна
родной
крови

настоящий семейный роман

Остросюжетный семейный роман

Марина Болдова

Тайна родной крови

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болдова М. В.

Тайна родной крови / М. В. Болдова — «Эксмо»,
2020 — (Остросюжетный семейный роман)

ISBN 978-5-04-113527-0

Убийство Анки Хмелевской в польском Кракове и похищение Кати Штурм в России происходят практически одновременно. Что связывает этих двух молодых женщин? Почему так странно ведет себя похититель девушки, не предъявляя никаких требований ее родным? Если бы брат и сестра Кати не оказались на месте гибели Анки по чистой случайности, эти вопросы могли бы остаться без ответа. И никто бы не узнал, где находятся ценности, украденные полвека назад у московского коллекционера.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113527-0

© Болдова М. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	37
Глава 14	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина Болдова

Тайна родной крови

Талантливому педагогу и прекрасному человеку, руководителю ансамбля «Классик-домра» Ларисе Ивановне Демченко посвящается.

© Болдова М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Грузовичок «Жук» веселого желтого цвета вывернул с улицы, примыкающей к площади Ратуши, и как-то воровато-неспешно двинулся к следующему перекрестку. Многочисленные прохожие, в основной своей массе туристы, с недоумением поглядывали на яркую машину – улица была с односторонним движением, грузовик же двигался в запрещенном направлении. Кто-то достал мобильный телефон, чтобы сделать фото нарушителя, но машина неожиданно резко рванула вперед. Визг тормозов и отчаянный многоголосый вскрик слились в страшный аккорд свершившейся беды. Не останавливаясь, грузовик быстро проехал до перекрестка и свернул направо. На месте аварии вмиг образовалась толпа. Несколько человек снимали происходящее на камеру, но большинство, возбужденно переговариваясь, пытались через головы впередистоящих рассмотреть лежащего на дороге человека.

Маленький мальчик, успев к пострадавшему быстрее прочих, в растерянности обернулся к спешившей за ним девушке.

– Сара, – произнес он по-русски. – Это же Катя, да? Ну, скажи, Катя?

– Сема, пойдем, – девушка бросила быстрый взгляд поверх его головы, решительно развернула мальчика и, держа за худенькие плечики, повела сквозь толпу прочь.

– Ты что?! Так и уйдешь?! А она пусть лежит?! – Тот с возмущением вырвался из ее рук и побежал напрямик к подъехавшему в этот момент к месту аварии полицейскому автомобилю.

– Пан полицейский, там Катя! Моя сестра! Ее сбита машина! Желтая! – затараторил он без остановки, указывая пальцем на толпу. Тот непонимающе посмотрел на девушку. Та вдруг сильно побледнела и стала оседать на асфальт.

– Ой, приступ начинается, – округлив глаза, тихо произнес мальчик и кинулся к ней. Польский полицейский, не поняв ни слова, но сориентировавшись в ситуации интуитивно, взял в руки рацию. Его напарник, отодвинув мальчика в сторону, склонился над девушкой.

Никто не заметил, как белоснежный «Форд», за несколько минут до происшествия медленно двигавшийся вдоль тротуара навстречу грузовику, вдруг резко прибавил скорость и на перекрестке свернул в переулок. За рулем была женщина. Проехав еще несколько кварталов, машина остановилась. Женщина сняла темные очки, посмотрела в зеркало заднего вида. «Хм, неожиданно! – произнесла она с легким смешком. – И как удачно! Одной проблемой меньше...»

Кровь человека – мостик между душой и телом. Душа в маленького, еще нерожденного, человечка лишь в середине срока беременности вселяется, тогда и кровь пульсировать начинает. И информация от матери к ребенку по крови передается: доброта, праведность поступков или преступность. Все, что накоплено ею и отцом за время их половой зрелости. Никто за тебя не решит: добро нести в мир или зло. И что ребенку своему передашь: любовь к миру или озлобленность.

Глава 1

Семка беспокойно ерзал на жестком стуле в холле полицейского участка. Он так и не смог объяснить, кто такая Катя. Его не понимали. Телефон мамы Веры не отвечал – оно и понятно, отключила на время экскурсии. Тогда он набрал номер переводчицы Элины, которая работала с их ансамблем с первого дня фестиваля. И успокоился, когда та ответила, что подъедет в участок через десять-пятнадцать минут. А сейчас вот мысли о Саре заставили его вновь тяжело вздохнуть. Как он объяснит маме Вере и остальным, почему у нее случился приступ? Ведь он, Семка, за Сару отвечает! И должен ее беречь. Потому что приступ – это страшно! Страшно, когда и так бледное ее лицо становится совсем белым. Когда она, глядя перед собой испуганно и умоляюще, ловит ртом воздух, судорожно сжатыми пальцами сминая плед на кровати. А он, Сема, бестолково мечется по девчачьей спальне, хотя мать сто раз говорила, где лежит Сарино лекарство. Потом, сунув сестре спрей, дрожащими руками набирает «ноль три». И ждет «Скорую», поминутно подсакивая к окну.

Семка обожал Сару и боялся. И все делал не так. И вилка из левой руки сама выскакивала, а за ней и нож из правой – на скатерть! А то и в соусник! Сроду эта плошка перед ним стоит, словно другого места ей на столе нет! Пробовал отодвинуть, пока еще за стол никто не сел, не выходит. Кружочек, что ли, под ней Сара нарисовала? Прямо под доньшком! И кричит он всегда громко. Как назло, все вдруг замолчат, а он в этот момент – вопит. «Учись сдерживать свои эмоции, Семен!» – проговорит Сара вроде бы спокойно и ласково, но у него вдруг от ее жалостливого тона ком в горле. Даже «извини» не всегда выдать удастся. Наверное, Сару и другие боятся, но им что – все взрослые, а он – поскребыш! Так его называет отец. Последний он в семье, со старшей, Катей, разница аж в двадцать лет!

Ее, Катерину, не взяли на фестиваль в Краков потому, что ей уже живот на нос лезет! «То есть, она в интересном положении», – промелькнуло в голове выражение Сары. Ну очень интересное положение! Тошнит все время, толстая стала, в отцовском кресле не умещается и все время плачет. Кино про любовь смотрит или про войну, без разницы – сразу в слезы. Ей, значит, эмоции показывать можно!..

– Ой! – довольно громко вскрикнул Семка и испуганно посмотрел на обернувшегося к нему полицейского. – Это не Катя! Она не может, потому что...

– Сема, что случилось? Что с Сарой? – Элина кинулась к нему, едва переступив порог участка.

– У Сары приступ! Ее увезли в больницу на машине с красным крестом! А я думал, там, на дороге, Катя, а сейчас понял – не Катя! Кукла, что ли, с нее слеплена? С Катиными глазами? Ее зачем-то бросили под желтую машину! Элина, ты понимаешь, что Катя не может быть там, на дороге? Понимаешь?

– Сема, успокойся. Я сейчас поговорю с паном полицейским, и все прояснится. Ты посиди пока тут, – Элина погладила его по голове и отошла к поджидавшему ее офицеру.

Семка смотрел на нее и пытался понять, о чем она так долго тому рассказывает. Полицейский показывал ей какие-то бумаги, Элина кивала, говорила что-то по-польски, и Семка несколько раз услышал имя Катя. Наконец он не выдержал и подбежал к Элине.

– Это не Катя! Кукла с ее лицом! – невежливо перебил ее он, сердито зыркнув на полицейского. – Как Суок в «Трех толстяках»!

– Сема, успокойся! – Элина достала из сумки телефон.

Семка почти что повис на руке Элины – та показывала на экране мобильного фотографии Кати. Снимок был сделан в прошлом году во время концерта в Москве, куда Элина при-

летела специально, чтобы встретиться с ними. Полицейский кивал согласно и печально и что-то отвечал ей.

– Элина, что ты ему говоришь? Что это Катя там, да? Ну, Элина!

– Да, Сема. Успокойся. Она, видимо, прилетела сегодня, хотела сделать сюрприз. Я понимаю, тебе страшно, и ты...

– Да не страшно мне! Это не Катя! – упрямо перебил Семка, отчаиваясь оттого, что так и не мог ничего объяснить. Какая-то деталь ускользала от внимания, он пытался сконцентрироваться, снова повторяя и повторяя про Суок. В конце концов Элина, бросив обеспокоенный взгляд на полицейского, решительно взяла его за руку и подвела обратно к стулу, на котором он недавно сидел.

– Сема, послушай! Пан полицейский все понял, он больше ничего у тебя спрашивать не будет. Это не Катя, ты прав, – проговорила она слишком быстро, и Семка догадался, что она ему по-прежнему не верит.

– Элина, нам завтра уезжать...

– Да, я помню. Поедем в гостиницу, мы здесь больше не нужны.

– А как же полицейский? – зачем-то спросил он. – Ведь он же не так думает, как нужно! Это не Катя!

– Ну почему ты так настаиваешь?! Хватит уже! – в сердцах прикрикнула на него Элина.

– Я знаю почему! Катя беременна! А эта – нет! – громко и четко выговорил он, словив-таки ускользавшую от него все это время мысль.

Элина удивленно посмотрела на него. И тут же перевела взгляд на появившегося в дверях кабинета полицейского.

Она что-то сказала ему по-польски, уверенно кивая. Тот нахмурился.

– Посиди здесь, Сема. Мне нужно еще раз увидеть... То есть я схожу с паном офицером, ты только никуда без меня не уходи.

Он и не собирался. В гостинице все равно никого из своих не было – уехали на экскурсию по Кракову и вернутся только к вечеру. Без Элины ему даже не дадут ключ от номера.

Сема сидел на стуле и болтал ногами. Он успокоился. Ему поверили, и это было на данный момент самым главным. Катя дома, в Самаре. Наверное, в кладовке уже не осталось ни одной банки солений. А ему не жалко, хотя он и сам любит хрустящие огурчики и красненькие помидорки с лопающейся от надкуса шкуркой. Через два месяца, в августе, как ему сказала Сара, он станет дядей. И перестанет быть самым младшим в их большой семье.

Глава 2

Михаэль прождал ее в кафе полтора часа. Конечно, Анка никогда не отличалась обязательностью, но это было уж слишком. В конце концов, он решает ее проблемы. Она создает, а он всегда отвечает за ее проступки. С детства.

На этот раз Михаэль не сразу понял, о чем ему рассказывает сестра. Так давно они не виделись, что он уже и забыть успел, какие непредсказуемые последствия обычно наступают после ее авантюрных задумок.

...Они выросли без матери. Фотографии и написанный маслом портрет находились в ее бывшей спальне. Дети заходили туда редко, особенно Анка, которая с раннего детства боялась этой, как она называла, «мертвой» комнаты. Однажды она призналась брату, что чувствует там запах горящих свечей и даже «слышит» потрескивание пламени. Михаэль тогда только пожал плечами – ни одного подсвечника в комнате не было, только старинная масляная лампа на каминной полке, поставленная скорее для интерьера, чем для полезного применения в случае необходимости. Единственное, что вызывало его интерес, – запертый ящик старинного бюро.

Но и он не любил эту комнату. Тоски по матери Михаэль не испытывал, Анка, как чувствовал, тоже, но отец приводил их, маленьких, туда за руки, усаживал на высокую кровать и рассказывал о ней. Повзрослев, они поняли, что делал он это лишь для того, чтобы они не забывали о женщине, которая дала им жизнь. Но как можно помнить о том, кого не видел ни разу в жизни?

С годами Анка стала все больше походить на отца: тонкий нос, четко очерченные губы и глаза цвета болотной зелени делали ее очень привлекательной. Ему ж достались высокий лоб и небольшие, глубоко посаженные глаза матери. Но, как любил пошутить отец, они оба «не из родни, а в родню». Михаэлю эта фраза казалась странной, какой-то чужой, не из их мира...

Он уже в который раз набрал номер мобильного сестры. «Ну ладно, опаздывает! На звонки могла бы ответить!» – мысленно попенял ей, но беспокойство нарастало.

Ждать дольше не имело смысла. Он почти точно знал, что с Анкой случилась беда. Михаэль подозвал официанта.

– У меня к вам просьба. Если вдруг вот эта девушка появится здесь, попросите ее срочно перезвонить брату, – он показал парню на экране телефона фотографию Анки и, оставив щедрые чаевые, вышел на улицу.

Краков он знал как свои пять пальцев, изучив все закоулки еще во время учебы в Ягеллонском университете. Ближайший полицейский участок находился в паре кварталов от кафе, в котором он только что ждал Анку, и Михаэль решил оставить машину и пройти пешком. Он надеялся, что по пути в участок его догонит-таки звонок сестры.

Михаэль подошел к полицейскому участку, легко взбежал на крыльцо и потянул на себя массивную дверь.

– День добрый! Я разыскиваю свою сестру, у меня есть основания предполагать, что с ней могло случиться несчастье, – от волнения и дурных предчувствий его голос слегка охрип. Он сбивчиво рассказывал об Анке, показывал ее фотографию и не сразу заметил, что кроме полицейского его внимательно слушает молодая женщина у стойки. В один момент он поймал ее встревоженный взгляд, брошенный на офицера, и его ответный кивок. Этот безмолвный диалог вызвал в нем такую панику, что Михаэль не сдержался и схватил ее за руку.

– Вы что-то знаете, да? Видели ее? Где? Когда? – он поднес к ее лицу телефон с фотографией Анки. – Это она? Вы знаете, что с моей сестрой?

Михаэль долго шел за полицейским по длинному коридору, спотыкаясь на неровно уложенных плитках. Он чувствовал, как тут же чья-то рука подхватывает его под локоть и сразу же отпускает. В голове отзывались лишь гулкий стук каблучков и глухие удары собственного сердца.

Михаэль узнал Анку по одной только кисти руки, свисающей со стола из-под белой простыни: между средним и указательным пальцами четко был виден след ожога – следствие детской шалости сестры. Первое, что он сделал, не отдавая себе отчета, – натянул край белого полотна на эту руку.

Ему показали ее лицо. Он было с облегчением вздохнул: нет, не она! Радостно оглянулся на молодую женщину, все еще стоявшую у него за спиной. И тут же повернулся обратно. Внутренний голос, голос их с Анкой ангела-хранителя, шепнул ему, что из них, двойняшек, он остался один.

– ...Русские музыканты, они приехали на фестиваль... Девушка и мальчик Сема видели, как вашу сестру сбила машина... – слышал он как будто издалека женский голос.

– Какая девушка? – спросил он машинально.

– Сестра Семена, Сара. Ей стало плохо с сердцем, ее увезли в больницу. А я – Элина Поплавская, переводчица. Могу вам чем-то помочь? Вот, возьмите мою визитку, возможно, у вас будут вопросы. А я должна отвести мальчика в отель. Скоро его семья вернется с экскурсии, – она протянула Михаэлю картонный прямоугольник. – До свидания.

– Спасибо, – он машинально сунул карточку в нагрудный карман куртки.

«Сема – это, наверное, тот мальчик, что сидел в холле», – вспомнил Михаэль, подписывая какие-то бумаги.

Глава 3

Вера Михайловна Бражникова почти не слушала экскурсовода. Она смотрела на красоту за окном автобуса и пыталась сосредоточиться на главном: завтра они возвращаются домой в Россию. Все, кажется, прошло благополучно, они заняли второе место в конкурсе. Еще вчера она с улыбкой наблюдала за младшим Семой, как он смешно расстроился, что они не первые. Совсем ненадолго расстроился, и тут же его конопатое личико озарила радостная улыбка – все подарки для их музыкальной семьи несли ему, складывали прямо на пол у его ног, а он всем говорил быстрое «спасибо» или выученное польское «dziękuję» и оглядывался на нее. Увидев одобрительную улыбку, вновь поворачивался к очередному дарителю.

Они всегда с гастролей и конкурсов увозили домой много подарков, фотографий и память о новых друзьях. И никогда Вера Михайловна не испытывала такого беспричинного беспокойства, как в этот раз.

Еще дома, проверяя уложенный багаж и держа в руках билеты и паспорта, вдруг не к месту вспомнила она все трудности, связанные с предстоящей поездкой. Поначалу не хватало денег. Но нашелся спонсор, не совсем бескорыстный, хотя и с вполне приемлемыми условиями. Не поехала Катя, расстроившись не меньше самой Веры Михайловны, – врач вдруг забеспокоился по поводу протекания беременности. И, наконец, Сара настояла на своем участии, несмотря на участвовавшие в последнее время сердечные приступы. А Вера Михайловна сда-лась.

В суете путешествия и проходящего фестиваля она немного отвлеклась от своих страхов, но в уютном салоне экскурсионного автобуса вновь тревожно заняло в груди.

– Казимеж – в прошлом отдельный город, а сейчас район Кракова... Еврейский геноцид фашистов опустошил город, о чем достоверно показано в известном фильме Стивена Спилберга «Список Шиндлера». До сих пор идет восстановление... – услышала Вера Михайловна голос гида.

«Насколько же нужно быть пропитанным ненавистью к еврейской нации, чтобы истреблять подряд всех ее представителей, независимо от места их проживания, пола и возраста! Известить целый город!» – подумала она и вспомнила о Саре. Девочка так устала, что отказалась от экскурсии по Кракову. А Сема сам вызвался побыть с ней. Они собирались прогуляться по городским улицам, далеко не удаляясь от отеля.

– На той стороне Вислы расположен район Подгуже, также бывший ранее отдельным городом. Чтобы попасть из Казимежа в Подгуже, нужно перейти по одному из мостов, например, по этому мосту Пилсудского. Гордостью Подгуже является неоготический костел Святого Иосифа...

Вера Михайловна никак не могла сосредоточиться на рассказе экскурсовода. Тревога не отпускала. Конечно, более всего она волновалась за Катю.

...«Маленькая печальная принцесса», – так сказал о девочке их с мужем Федором друг Константин Лыков, увидев в первый раз. В свои десять Катя казалась совсем малышкой, и только взгляд темно-болотных глаз был не по-детски строг и спокоен. Катя была так красива, что, бывало, у случайных прохожих невольно вырывался восхищенный возглас. Девочка относилась к этому с неподдельным равнодушием, вежливо улыбаясь в ответ и проходя мимо. «Счастливая», – говорили ей вслед, а Вера Михайловна знала, как одинок и несчастен этот ребенок. Катя ходила к ней на занятия в музыкальный класс, и Вера Михайловна видела, как та хотя бы на время оттаивает, оставляя мысли о доме, где она жила с матерью-алкоголичкой.

Она была необыкновенным ребенком – кроме красоты бог наградил ее талантом и упорством. После смерти матери Кати Вера Михайловна с мужем взяли ее к себе, оформив удочерение. Теперь Кате двадцать семь, и она готовится стать мамой.

Второй приемной дочерью через много лет для них стала Сара Лейбсон, у которой в одночасье погибла вся семья...

А три года назад Константин Лыков пригласил ее посетить детский дом. «Вера, я уверен, там есть талантливые дети. Возможно, твоя музыка для них станет пропуском в нормальную жизнь. Прослушай ребят, прошу тебя», – уговаривал он, но ей не нужны были уговоры. Она тогда только согласно кивнула, лишний раз убедившись в том, насколько схожи мысли и желания у них с Костей. Жаль, что Федор так и не научился ее понимать. Вера Михайловна помнит удивленный вопрос мужа: «Зачем тебе это нужно?»

Она для начала просмотрела личные дела младших школьников. Прослушивать детей не стала, просто спросила: кто хочет научиться играть на домре? В ответ было только недоуменное молчание, и Вера Михайловна в растерянности оглянулась на Лыкова. Он улыбнулся, подмигнул ей и вдруг очень интересно и красочно стал рассказывать о музыке. Лес рук взметнулся вверх, и у нее отлегло от сердца. На следующий день к ней в класс на школьном автобусе приехали двенадцать ребят. Она взяла всех. Но после месяца занятий остались только четверо: Рома Величко, Кирилл Рошин и брат с сестрой Марат и Фая Сафины. Им было по девять. Вот над ними и собиралась оформить опеку Вера Михайловна.

Ей вновь помог Лыков. Дети переехали к Бражниковым. И только тогда сложилась их музыкальная семья...

– Мама Вера! – услышала она громкий шепот Кирилла за спиной. – Оказывается, у них тоже есть барахолки! Каждое воскресенье! Ярмарка старья называется!

Вера Михайловна улыбнулась. По довольному лицу Кира видела, что экскурсия удалась. Наверное, зря беспокоилась, решила она, у них все хорошо.

Ей еще мама говорила, что внутреннее предчувствие – не что иное, как неслышимый голос ангела-хранителя. Уже по напряженному лицу Элины, которая встретила ее в холле отеля, Вера Михайловна поняла, что стряслась беда.

– Что?! – спросила она тихо, отводя девушку подальше от галдящих ребят. – С Катей что-то?

Она, не дожидаясь ответа, нащарила в сумке телефон, поставленный на бесшумный вызов на время экскурсии, и быстро увеличила громкость.

– Нет, Вера Михайловна. Надеюсь, с Катей все в порядке. Сара в больнице, приступ. Она и Сема стали свидетелями, как машина сбила девушку. Очень похожую на Катю девушку! Пойдемте в участок, вас просили подойти туда ненадолго. Я по дороге все расскажу. А потом сразу поедem в клинику к Саре.

– Кирилл, подойди, пожалуйста.

– Да, мама Вера. Привет, Элина! Экскурсия – супер!

– Я рада за вас! – рассеянно ответила девушка.

– Кира, нам с Элиной и отцом нужно съездить по делам. Ты остаешься за старшего. Идите в номер, по отелю не бегать.

– А Сара? – Кира тревожно оглядел холл.

– Сара в больнице, у нее приступ. Сема вам расскажет, что случилось.

Глава 4

Михаэль решил, что выложит все сразу как на духу. Что Анки больше нет. Что она стала наркоманкой, связавшись с их бывшим водителем Злотым, и была беременна. Нет, о Злотом и беременности Анки Михаэль не скажет, это убьет отца.

Анка выпала из-под его контроля несколько лет назад. Звонила редко, всегда с одной и той же просьбой – дать денег. Михаэль запускал очередное производство, времени выяснять, на что ей такие немалые суммы, не было, и он просто перечислял ей на карту требуемое. Наезжала в поместье Анка регулярно, по субботам, но Михаэль в эти дни частенько отсутствовал – в его расписании выходных не было. Отец после встреч с ней выглядел озабоченным, но внятно объяснить, что его смущает в поведении дочери, не мог. Михаэль же успокаивал себя тем, что Анка живет у подруги, девушки скромной и воспитанной в строгости. То, что Каролина давно уехала с мужем в Хойну, он узнал всего неделю назад. Тогда сестра позвонила ему и срывающимся от страха голосом попросила срочно приехать – она боится оставаться в квартире Каролины.

В дороге он мысленно перебрал все возможное, что могло произойти с ней или с обеими девушками в доме, находящемся в самом центре города, на людной даже поздними вечерами улице. То, что он увидел в квартире, повергло в недоумение. В просторном холле царил такой разгром, что Михаэль решил, что наблюдает последствия нешуточной драки. По рассказу сестры, так и было – возвратившись домой, она застала человека, роющегося в вещах. Вор был в спортивной куртке с капюшоном, как водится – в темных очках и обладал фигурой, по которой нельзя было определить пол. То, что ростом он был много выше Анки, не говорило о том, что это мужчина – метр шестьдесят сестры часто был поводом для подколов Михаэля, высокого, как отец. Анка поведала, что он (или она) стукнул ее чем-то по голове и сбежал. Очнувшись, она тут же позвонила ему, брату. Михаэль поверил рассказу, но все же спросил – где сейчас Каролина? И по вмиг увеличившимся зрачкам сестры понял – сейчас начнется вранье, сдобренное излишними деталями для достоверности изложения. Сестрой будет предложена красочная история, уводящая далеко от более прозаической истины. Он остановил ее, указательным пальцем «запечатывая» ей губы. Этот жест еще с раннего их детства означал одно – не нужно тратить понапрасну время на пустую болтовню. Анка сникла, расплакалась и под аккомпанемент собственных всхлипов выложила ему все. Вкратце это звучало так: подруга замужем в Хойне, Анка живет с парнем в этой квартире уже почти год, неделю назад он ее бросил, а теперь кто-то залез в квартиру, она боится, что друг кому-то задолжал, и вор – не вор, а пришел за своим. Имя бойфренда Анка выдала на третьей минуте причитаний, опасливо отодвинувшись от Михаэля на расстояние вытянутой руки. Злотый был в их семье персоной случайной, но оставившей приметный и неприятный след. Пока Михаэль, ошеломленный ее признанием, молчал, Анка суетилась у кофеварки, засыпая зерна. Он укоризненно смотрел на нее, старательно прятавшую взгляд. Когда она протянула руку с зажатой в ней емкостью для воды к крану, манжет клетчатой рубашки расстегнулся, и Михаэль с ужасом увидел на запястьях сестры следы укусов...

Слезы подступили к глазам, «размывая» обзор дороги. Хорошо, других машин не было, и до усадьбы оставалась пара километров. Михаэль сбросил скорость: нужно успеть успокоиться.

Отец... Страшно представить его лицо, когда он узнает...

Ворота плавно, но быстро разъехались, как только он прикоснулся к брелку сигнализации. Шуршание колес по гравию дорожки казалось оглушающим в спокойной тишине. И еще он слышал стук сердца. Своего, ополовиненного остановившимся сердцем сестры, будто она забрала свою половинку с собой в небытие.

... Михаэль не помнил себя без нее. Анка была старше на двенадцать минут, чем гордилась безмерно, любя его по-матерински с высоты этого старшинства. Он, став взрослее и на две головы выше ее, посмеивался и подыгрывал ей, но присматривал за бесшабашной сестрой со всей строгостью. А она всегда нуждалась в присмотре. Отец махнул рукой на шалости дочери с пятилетнего их возраста, няньки не справлялись с ней вовсе, и слушалась Анка лишь его, Михаэля. Потому что только его не могла обмануть и провести. Он чувствовал задуманные авантюры еще тогда, когда мыслишка только зарождалась в ее головке. По обстоятельствам он или принимал участие в действе, или пресекал все на корню, если уж было придумано что-то из ряда вон. Например, прыжок с парашютом с обрыва в реку. Или кнопка в стул очередной папиной гостье, претендующей на место их мачехи. Не жалко было Михаэлю плотных ягодиц женщины, жалко было отца, которому предстояло выслушивать ее претензии. Но Анка придумывала каверзу за каверзой. Выдержать ежедневные атаки могла не каждая. Дамы исчезали из их жизни, не дойдя до спальни посмеивающегося в кулак отца.

Только одна женщина задержалась в их доме надолго. Как-то получилось, что Ника стала если не законной женой, то небезосновательно претендующей на этот статус. А потом случилась авария. «Вернувшись» из комы, отец не впал в уныние. Осознание собственной немощи, слабо утешающие прогнозы врачей и наступившая прохлада в отношениях с любовницей заставили его собрать все силы для выздоровления. Михаэль и Анка уже учились в Кракове, дома бывали не каждый выходной, а потому повседневно текущие события проходили мимо них. Однажды, приехав на каникулы, они не застали Нику. Не было в доме и ее вещей. Оказалось, отец выгнал ее неожиданно, не объясняя причин. С тех пор женщин он в дом не приглашал, что радовало и Михаэля, и Анку, и всех домашних от горничной до дворецкого. Отец уже вполне сносно передвигался, опираясь на палку, поэтому вернулся к управлению делами. Время от времени он впадал в состояние влюбленности, что было заметно по сияющим глазам и ответам невпопад. Это было где-то на стороне, проходило быстро, безболезненно для всех, поэтому даже небольшой тревоги никто не испытывал. Домочадцы лишь посмеивались над несерьезностью отца и незадачливостью девиц, мечтающих окрутить богатого вдовца.

А отец был действительно богат. Воспитывая двойняшек не в неге, но в строгости по части финансов, он добился того, что Михаэль не мыслил себя иждивенцем у него на шее, с пятнадцати лет работая наравне с ним и попутно изучая сложное фермерское хозяйство. Но тянуло его к механизмам и производству. Окончив университет в Кракове, Михаэль предложил отцу открыть завод по переработке их продукции, объединить разрозненные цеха по консервированию в одно производство и выходить на мировой рынок. Отец, немного контролируя сына в начале намеченного пути, через год скинул управление на Михаэля и удалился на покой.

Сейчас у Михаэля было два дела: хозяйство и сестра. И одно из них он запустил...

– Миша, вернулся? А Аня? – отец упорно называл детей русскими именами, их земле-
владение – усадьбой, и Михаэлю это было непонятно. Никакой любви или увлечения Россией
он за ним не замечал.

– Да, папа, это я. Послушай, мне нужно с тобой поговорить... Это серьезно.

– А Аня?! – уже обеспокоенно спросил Казимир Хмелевский.

– Анка умерла. Ее сбила машина, – проговорил он быстро и обеспокоенно посмотрел на
отца. Тот молча отошел к окну. Михаэлю показалось, отец совсем не удивился.

– Да-да. Так и должно было случиться. Все правильно, правильно. Она оказалась права...
Я не верил... Столько лет... Анечка... – бормотал Хмелевский, не глядя на него.

– Папа, о чем ты?

– Нелепая смерть... Она так и сказала: «Умрет нелепой смертью». Машина... Что за
машина? – он наконец посмотрел прямо на него.

– Папа, Анку убили. Наезд не был случайным.

– За что?! И кто?!

– Не знаю, папа. У меня еще одна новость: Анка жила с парнем, неделю назад он ее бросил.

– Кто он? Как его имя?

– Имени не знаю, Анка не говорила. И я слишком поздно узнал об этой связи, – Михаэль досадливо поморщился.

– Я думал, она с подругой... Что она живет у Каролины!

– Я тоже был в этом уверен. Но, как оказалось, девушка замужем уже пять лет. И живет в Хойне, оставив квартиру в Кшешовице Анке. Я там давно не был, поэтому удивился звонку Анки и просьбе срочно туда приехать. Оказалось, ее парень пропал, уже неделю как. Она особенно не беспокоилась, тот уезжал и раньше, хотя и не так надолго. Испугалась лишь, когда застала в квартире чужого человека. Тот ударил ее и убежал. Она считает, что ее друг задолжал кому-то крупную сумму, и этот визитер приходил к нему. Я установил во всех комнатах и холле камеры. Но вор больше не появлялся. А сегодня Анка назначила мне встречу в кафе в Кракове, видимо, хотела мне сообщить что-то важное. И не пришла. Я набирал номер ее телефона несколько раз, но она так и не ответила. Заподозрив, что что-то случилось, зашел в ближайший полицейский участок, показал фотографию... Там были русский мальчик и переводчица. Мальчик с сестрой видели, как произошла авария. Правда, с сестрой тут же случился сердечный приступ и... Папа, что с тобой?! – Михаэль вдруг заметил, как побледнел отец.

– Русские?

– Да. Они из ансамбля народных инструментов – в Кракове сейчас фестиваль. Вот что странно... Дети обознались: думали, на дороге их старшая сестра, уж очень похожа на Анку. И переводчица поначалу была уверена! Но выяснилось, что та девушка, Катя, старше Анки на два года, к тому же беременна, на большом сроке...

– На два года... Беременна...

– Папа, может быть, ты скажешь мне, что с тобой? Ты как-то странно реагируешь на мои слова!

– Нет, ничего. Наверное, нужно заняться похоронами... Ты иди, – Казимир Хмелевский рассеянно махнул рукой на дверь.

Дождавшись, пока сын выйдет из комнаты, он достал из кармана куртки мобильный телефон.

– Здравствуй, дорогая. Как ты себя чувствуешь сегодня? В норме? Да, спасибо, нога не болит. Голос? Да, ты правильно поняла – случилась беда. Нет больше Анки. Несколько часов назад ее намеренно сбила какая-то машина. Я навещу тебя завтра, жди.

Глава 5

Вера Михайловна слушала, что ей переводила Элина, и согласно кивала. Врач убеждал, а ее и не нужно было уговаривать. Только лишь когда он произнес имя Сергей Герасимов, она удивленно посмотрела на Элину. Кардиохирург Герасимов был, насколько она знала, близким другом отца Сары. Работал он в кардиологическом центре их родного города и только пару лет назад уехал жить в Германию.

– Пан Завадский предлагает перевезти Сару в клинику, где работает доктор Герасимов. Он уже связался с ним и заручился согласием. Но решение остается за вами, Вера Михайловна. За вами и за Сарой.

– Я согласна, – коротко ответила Вера Михайловна и увидела ответную улыбку лечащего врача девочки. – А сейчас хотелось бы увидеться с Сарой...

– Да, пожалуйста. Яна, – обратился тот к присутствующей при разговоре девушке. – Проводите пани Бражникову к дочери.

Сара спала. На ее спокойном бледном личике лежала тень от капельницы, установленной на штативе рядом с кроватью. От флакона с раствором к руке тянулась тонкая полупрозрачная трубочка. Вера Михайловна вздохнула: похожую картину она наблюдает уже четвертый год...

Вера Михайловна вспомнила первый сердечный приступ Сары. Ее вмиг посеревшее лицо, испуганный взгляд и свою растерянность. И бестолково суесящихся рядом Катю и мужа. Тогда первым опомнился Федор, схватив телефон и вызвав неотложку. Потом были больницы, обследования и диагноз. А теперь остро встал вопрос и об операции. Вот таким нездоровьем аукнулась трагедия в жизни девочки.

...Казалось, на похороны родных Сары собрался весь город. Только сама девочка этого не замечала. Или Вера Михайловна, не отпуская ее руку ни на миг, так чувствовала. Рука, несмотря на жару, была холодной и будто высохшей, до того тонкими на ощупь были пальчики. Сара неотрывно смотрела на лицо младшей сестры, словно спящей безмятежным сном, и не плакала. Она не уронила ни одной слезинки после тех, первых, слез, когда узнала о том, что сгорела их дача. И погибли и мама, и отец, и пятилетняя сестра Оля...

«Нет, – вспомнила Вера Михайловна, – она плакала еще раз: когда на следующий день «Скорая» увозила в больницу Лилию Марковну».

Именно она, Лилия Марковна Лейбсон, привела правнучку в музыкальный класс Веры Михайловны. «У нее нет музыкального слуха, Верочка, а девочка тянется к музыке. Возьми, позанимайся!» – попросила она. Конечно, Вера Михайловна взяла ребенка. И ни разу не пожалела...

– Вера Михайловна, да не переживайте вы так, – Элина дотронулась до ее плеча. – Спокойно возвращайтесь домой.

– Элина, я думаю, мне следует задержаться, – Вера Михайловна никак не могла решиться на то, чтобы оставить Сару одну в чужой стране.

– Я разговаривала с паном Завадским. Сару в Германию можно будет перевозить лишь через несколько дней. А пока они ее медикаментозно поддержат, сделают необходимые обследования. Вы вернетесь к тому времени, когда она будет чувствовать себя лучше, а я буду Сарочку навещать каждый день, – спокойно возразила та. – К тому же, дома одна Катя, ей трудно будет без вас справиться с мальчишками. Ведь Федор Иванович...

«Конечно... Федор Иванович! Вот и Элина знает... – с иронией подумала Вера Михайловна. – Впрочем, вполне естественно, что она в курсе намечающихся перемен в нашей жизни:

ее давно уже приняли в «стаю». И Сару на нее я могу оставить смело. А мне действительно нужно домой».

– Хорошо, – сказала она твердо и бросила взгляд на часы на запястье. – Я на тебя надеюсь. Только прошу: звони мне каждый день. И, если что...

Про «если что» думать не хотелось. Она сама не могла объяснить себе, почему ее так тянет домой. Почему не отпускает тревога, никак не связанная с болезнью Сары. Вера Михайловна словно предчувствовала еще большую беду. Такую, что потребует всех ее душевных сил и причинит ей неожиданную боль.

Глава 6

Она совсем не чувствовала старости. Конечно, болела спина, плохо слушались ноги, мучили головные боли, но Зося Адамовна считала, что это – нормально. Спина начала ныть еще с молодости, когда она часами стояла над корытом с грязным бельем в лагерной прачечной. Ноги она отморозила там же. А голова... кто ж знает, отчего она болит?

То, что она в свои восемьдесят восемь не стала маразматичкой, Зося Адамовна считала только своей заслугой. Мозг нужно тренировать ежедневно, ежечасно, тогда и память останется ясной, и мыслить будешь логично и здраво, считала она. Читала все, что попадалось серьезного, особенно детективы, чем запутаннее, тем лучше. И никак не могла понять других старух в пансионате, которые только и обсуждали, что личную жизнь звезд кино, певичек и моделек, путаясь в именах, кто есть кто, споря и ссорясь друг с другом. Ей было рядом с ними скучно, даже тошно, и она старалась найти спокойный уголок в зимнем саду или библиотеке. Правда, книги, в основном, были на польском. Зося Адамовна язык понимала и могла сносно изъясняться, но читала с трудом.

Старость на нее давила лишь в часы, когда вспоминалось прошлое. Какой-то один факт, всплывший в памяти, тянул за собой целую галерею лиц, событий, вопросов и раздумий. На многие вопросы ответов не было, лица казались размытыми, без возраста. Иногда хотелось вдруг увидеть кого-то, кого она знала в молодости, сейчас, сию минуту. Увидеть, расспросить, рассказать о себе. Но, здраво понимая, что это невозможно, она не расстраивалась.

Память ее хранила много тайн. Зося Адамовна чувствовала, что придет время, возможно незадолго до вечности, и она расскажет все внуку Саше. Пока же она боялась. Боялась за него, неустроенного, непутевого. И еще она знала, что должна ему передать и знания. Если он к тому времени, когда ей наступит срок уходить, будет готов их принять.

...Она хорошо помнила эту огромную квартиру на две семьи в центре Москвы. Хмелевские – Зося, брат и родители – занимали три комнаты, еще две – ее одноклассница Лиля Бас с мамой Чарой Давидовной. Отец Зоси и Виктора был кадровым военным, мать – врачом. Чара Давидовна преподавала физику в школе. Как считали обе девочки, у них была одна семья. С малых лет мама Лили забирала их из детского сада, мама Зоси лечила от простуды, а отец в редкие свои выходные водил их в парк.

Зосина бабушка жила отшельницей в лесу. Ее звали польской ведьмой и не пускали даже в соседнюю деревню, в глаза с ней не здоровался никто. А бегать тайком – бегали. Зуб больной заговорить, мужика от пьянки или любовницы отворотить. Помогала бабушка всем. Зося, правда, бывала у нее лишь летом, когда ее семья переезжала из городской квартиры на дачу, расположенную в получасе ходьбы от избы бабушки. Отец хоть изредка, но навещался к матери и всегда брал с собой маленькую Зосю. Но мать не ходила к свекрови никогда. И видимой причины для того не было.

На фронт в сорок первом в первые же дни войны ушли и отец, и Виктор, учившийся тогда в военном училище. Зося с матерью остались в доме. Через два месяца на фронт ушла и мама. «В Москву не возвращайся, Зося, живи с бабушкой», – сказала ей мать. «Почему? А школа? Я буду вас ждать там, в городской квартире с Лилей и ее мамой», – плакала Зося. «Нет! – отрезала мать. – Даже не суйся туда. Так надо, Зосенька. Потерпи. Я вернусь, обещаю». Зося тогда впервые серьезно обиделась на мать. Она не то чтобы не любила бабушку, но побаивалась. И как будет с ней жить здесь, в глуши, не представляла.

Наступила осень. Зося пропускала занятия в школе почти каждую неделю – ходить по бездорожью до соседнего села ей, городскому ребенку, привыкшему к асфальту, было трудно.

Учила ее бабушка дома. Зося тогда с удивлением узнала, что та свободно говорит на французском, польском и немецком и прекрасно разбирается в математике.

Как-то бабушка достала из сундука большой бумажный сверток, развязала серую веревку и положила перед Зосей старинный фотоальбом. С первой же фотографии на нее смотрели два красивых лица. «Это мои родители Августина и Януш Бах. А это – я, – бабушка перевернула страницу. – Курсистка Александринско-Мариинского Института благородных девиц в Варшаве Хелена Бах». Зося тогда с испугом оглянулась на дверь – вдруг кто-то войдет! «Не бойся, сегодня никого лихо не принесет. Я порог закрыла», – непонятные слова бабушки немного успокоили Зосю. «Смотри, вот мои подруги, – продолжала бабушка, указывая на групповой снимок девушек в белых передниках. – Вера Скворцова, Лиза Зиглер, Зоя Печенкина, Ядвига Шмидт. А в серединке – я, узнала?» Зося молча кивнула. «А муж? Муж у тебя был?» – Зосе захотелось посмотреть на деда. «Вот он, – бабушка перевернула еще одну страницу. – Матеуш Хмелевский. Твой папа очень на него похож, видишь? И у вас с Виктором такие же глаза, темные, большие. В остальном ты в мамину породу. Или, скорее, в беспородье... Все, Зосенька, давай-ка спрячем это подальше. В следующий раз посмотришь еще. Только не рассказывай никому». Зося тогда удивилась такому резкому переходу к плохому настроению. И даже слегка обиделась. Но только много позже она поняла причину бабушкиного недовольства – Зосин отец, Адам Хмелевский, женился на ее матери против воли родителей.

Так сложилось, что альбом этот она смогла достать из сундука только уже после смерти бабушки.

К ним все чаще приходили деревенские женщины с фотографиями своих мужей, ушедших на фронт. И все чаще, глядя на эти снимки, бабушка отрицательно качала головой. Зося потом отпаивала плачущих женщин отваром, приготовленным бабкой. Она уже многому научилась у нее, знала травы, могла заговорить боль, но постичь, как та видит, глядя на фотографию, жив ли человек или уже мертв, не могла. «Бабушка, страшно!» – однажды закричала она, когда та взяла ее за запястье, велела раскрыть ладонь, положила под нее снимок и строго спросила: «Что чувствуешь?» Ей страшно стало оттого, что прямо в центр ладони пошел вдруг холод. «Ну? Жив?» – задала та вопрос. А Зося уже знала – нет человека. Сказать об этом, глядя в глаза матери парня со снимка, не смогла, только головой покачала. «Думаешь, мне легко такое? – говорила ей потом бабушка. – Спрашивают – врать нельзя. Но сама, первая, никогда никому ничего не говори. Даже, если видишь, что беда еще только надвигается». – «Почему?» – «Бывает так, что человек должен пройти испытание горем. По судьбе ли положено или за грехи. Пройти, чтобы дети его потом не страдали». – «Но ты же можешь сделать так, чтобы ничего плохого не случилось!» – «С ним не случится. А ребенок, его кровь, на себя все возьмет. Платим мы, Зосенька, за отцов и матерей своих. Еще как платим!» Побоялась она тогда спросить главное, что мучило: от отца писем с самого начала войны не было, а теперь вот и мама писать перестала. Только от Виктора треугольнички она на почте регулярно получала.

Однажды, измучившись ожиданием, не выдержала. Взяла фотографию отца с этажерки, руку приложила. Бабушка от ее крика проснулась, ночь глубокая была. «Зачем же ты! Пусть бы еще пока хоть в мыслях твоих живым оставался!» – упрекнула горько. «Так ты знала?! А мама? Скажи, мама жива?» По глазам бабушки поняла все. Словно ступор напал. Ни слез, ни вздоха. Непослушными руками снимок брата Виктора из альбома достала. Тепло...

Виктор вернулся в сорок пятом. Только Зося порой брата совсем не узнавала. Злой, холодный. Самогон в деревне брал, запирался в дачном доме и пил. Неделями пил, Зося только еду ему таскала, силком заставляла поесть.

Зимой, под Рождество, бабушка слегла. «На Рождество умру, – спокойно сказала она Зосе. – Ты рядом ночью будь, за руку меня держи. Выполнишь?» – «Бабушка, давай полечимся! Травок попьешь!» – «Время мне, не спорь. Виктору на поминках вон из той бутылки водки нальешь – пить перестанет. Ты его не бросай. Слабый он, не смог правду об отце принять. Вот

и пьет». – «Какую правду? Я тоже родителей потеряла. Война! Я же не спиваюсь!» – «Война... Расстреляли твоего отца в сорок первом. Как врага народа. А какой он враг! Да и мама твоя не на фронт ушла... В лагере она умерла... Виктора и тебя я отмолила... Не тронули!»

Выполнила она просьбу бабушки, всю ночь просидела возле нее, держа за руку. Перед рассветом только задремала немного, проснулась – рука бабушки в ее руке холодеет, и глаза закрыты.

Вернулись они с Виктором в Москву. Из трех комнат им оставили две. В самую большую вселился одинокий инженер из Ленинграда. Вскоре из эвакуации вернулись и Лиля Бас с мамой...

Зоя Адамовна включила телевизор, чтобы оторваться от воспоминаний. Шла программа криминальных новостей. «... Девушку сбил автомобиль. По словам свидетелей, наезд был намеренным. Водитель с места происшествия скрылся...» – услышала Зоя Адамовна. Тут же зазвенел мобильный.

– Здравствуй, родной. Ничего, сегодня все в норме. Как нога? А что у тебя с голосом? Боже мой! Да, родной, я буду тебя ждать, – Зоя Адамовна отключилась и машинально сунула телефон в карман блузки. «Господи, бедная девочка. За что? – она почувствовала резкую боль в сердце. – Нет, только не приступ. Не сейчас!» Зоя Адамовна торопливо сунула таблетку под язык и прилегла на кровать.

Глава 7

Катя устала. Вот так, ничего не сделав по дому: мытье тарелки и кружки после завтрака не считается. Живот тянул книзу, хотелось сесть, а лучше сразу лечь на бок. Она почти не спала этой ночью. Долго не могла заснуть, ждала мужа – Сергей пришел поздно. И тут же ушел опять. Никаких ночных смен и авралов на его стабильно спокойной службе никогда не случалось, оправдаться он не мог, потому лишь прятал глаза, виновато косясь на ее живот. Он был у первой жены, она поняла это сразу. Фразу, что ходил, мол, к дочке, произносить не стоило, Катя не поверила. Работать Сергей заканчивал в девять, девочка к этому времени уже сладко спала, но так и неустроенная до сих пор по-женски Светлана зазвала его к себе. И он сдался. Без сопротивления. Просто потому, что никогда никому не мог отказать. «Он добрый!» – твердила ей свекровь. «Какое же это добро – делать мне больно?» – хотелось крикнуть Кате, защищаясь.

Ей – двадцать семь. И он ее муж. Из-за случайной ее слабости, из-за одной только встречи на юбилее школы. И зачем ее туда понесло?

...Он причинял ей боль всегда. В школе, когда первым бросался утешать кем-то обиженную одноклассницу. Потом шел провожать – как же, ведь девушке плохо! А то, что плохо ей, Кате, брошенной после дискотеки на пороге школы, Сергей не думал. Она должна его понять! И она понимала и прощала. Потому лишь, что на следующий день, услышав ласковое «люблю тебя одну», проникалась сочувствием к той самой однокласснице, гордилась своим Сереженькой, единственным по-мужски взрослым среди оболтусов-подростков. Она смотрела на них свысока, не замечая хихиканья девчонок и ухмылок парней.

И позже, в музыкальном училище, где этих, нуждающихся в утешении девиц, девяносто процентов. Сережа встречал ее после занятий, ходил на отчетные концерты и знал Катиных подруг. Он был добр ко всем. Утешая расстроенную неверно взятой на экзаменах нотой девушку, Сергей проникался искренним сочувствием к ней. И снова – проводы до квартиры девицы, где он зависал на неделю-другую, редкие звонки и повинное возвращение к ней, Кате. «Он – кобель. Самый обыкновенный кобель! А ты, Катька – дура!» – ругала ее Светка, вроде как подруга. То, что она «вроде как», стало ясно в тот день, когда она объявила себя беременной от ее Сережи. Пьяно покачиваясь, разливая пиво из высокой фирменной кружки на липкий общежицкий пол. И ее Сереженька кинулся к ней, ошеломив этим всех, и Светку в первую очередь. И та неожиданно согласилась на предложение выйти за него замуж. А она, Катя, их благословила, заикаясь от горя, но опять прощая, уже обоих. Это случайность, так уж получилось...

Позже она узнает про него все. Но узнав, не поверит сразу, исковеркав себе и так уже перекореженную жизнь...

Ребенок толкнул ножкой, потом еще раз и еще. Нужно бы успокоиться, он же чувствует ее, Катину, настроение, но не получалось. Тревожно было на душе, смутно тревожно. То ли еще и потому, что мама Вера вчера не позвонила! А сегодня у них самолет.

...Катя так и не смогла называть Веру Михайловну Бражникову просто мамой. Скорее всего из-за того, что очень хорошо помнила свою родную. И не могла забыть, как та умирала, тяжело дыша на Катю парами алкоголя и цепляясь за дочь высохшими от недоедания и запоев пальцами. Эти скрюченные, с обломанными ногтями пальцы долго потом снились Кате, и она кричала по ночам, пугая маму Веру и Федора, которые спали на диване в той же комнате. Собственно, комната в хрущевке была одна.

Мама Вера преподавала музыку в студии при клубе речников. И инструмент был совсем не модный, для многих загадочный – домра. Когда Катя, придя домой, сообщила в тот момент почти трезвой матери, что ее пригласили в музыкальную студию и она будет играть на домре, та только и спросила, что это за... А Катя и сама не знала. Было только желание чего-то нового. Другой жизни, без пьяного баяна приходящего из дворницкой Пашка, ухажера матери. И без хриплых матерных частушек взалех с водкой. Без ритмичного скрипа панцирной сетки в смежной комнате, который был слышен даже сквозь толстое ватное одеяло, натянутое Катей до самой макушки, и потом звуков ударов и криков – так Пашок, как догадывалась Катя, выражал благодарность матери за гостеприимство. До Пашка был Сашок, до него – Виталик, да еще кто-то...

Катя сразу поняла, заниматься на домре будет нелегко. Болели пальцы и запястье как-то неестественно вывернутой руки. И спина. Но два часа через день, проводимые в студии с Верой Михайловной, стали маленьким праздником. Она пешком шла две остановки до клуба, выходя из дома заранее. Шла медленно, представляя себе, что уж сегодня точно наберется смелости и скажет Вере Михайловне, какая та красивая!

Она быстро подружилась со всеми учениками класса Бражниковой, старшему из которых было уже семнадцать, и он был студентом речного техникума. Но понять, что они буквально живут музыкой, смогла только через несколько лет.

Как-то само собой получилось, что после смерти матери Катя стала жить в доме Бражниковых. Забирая из родительской квартиры вещи, она прихватила и старый кожаный чемоданчик с документами, который ее мать прятала на антресолях. Она прочла старые письма и узнала имя своего отца. Оно оказалось совсем не тем, что называла мама, показывая на фотографию, висевшую у нее в комнате на стене... Это знание ей не дало ровно ничего. Катя отбросила все мысли о нем в сторону как ненужные, ничего не сказав о находке маме Вере и Федору. Это ее, личное. Катя знала, что в старый саквояж никто не полезет, мама Вера не такая. А Федору было все равно, что с Катей. Она понимала, что Федор ее не то что бы не любил – принял как неизбежность...

Мобильный телефон в руке завибрировал. Катя в нетерпении нажала соединение.

– Элина? Здравствуй... что-то случилось? Вылетели вчера? В Хельсинки пересадка? Значит, будут ночью. Слава богу, я уже беспокоиться начала, – Катя почувствовала, как отпускает тревога. – А почему мама Вера не позвонила? А... закрутилась... нет-нет, я теперь не волнуюсь, все нормально. До свидания, Элечка. Спасибо, что позвонила.

Катя улыбнулась и расслабилась. Сейчас она немного отдохнет и начнет готовить праздничный ужин. А вдруг они голодные? Если нет, то на следующее утро получится праздничный завтрак. Кролика в сметане и запеченный половинками картофель можно будет разогреть в микроволновке. И что-нибудь на сладкое. Например, ананасы и персики со сливочным кремом. Катя открыла холодильник, достала коробку с молоком и потрясла. «Мало, не хватит», – удрученно заметила она.

Магазин располагался в соседнем доме. Катя переобулась в балетки, положила в яркий пакет кошелек и потянулась к телефону, лежащему на обувной тумбе. Раздался тонкий протяжный писк. «Ну вот, мобильный разрядился! Ладно, вернусь – подключу. Я быстро. Самое главное – Элина позвонила!» – подумала она и потянула ручку двери. Дверь вдруг сама открылась ей навстречу.

Она даже не успела понять, что произошло, только лицо вдруг стало липким и холодным. И ее будто что-то толкнуло назад. Последним звуком, оставшимся в памяти, был щелчок дверного замка.

Глава 8

Он так запутался, так запутался! И выхода нет! Потому что его нет в принципе. Так сложилось. То, что он виноват сам, как ему вот только сейчас сказал Кашей, Сергей не признавал. Он – по жизни везунчик. Как по бабьей части, так и в игре. Да, собственно, с бабами тоже игра. Иногда даже более опасная, чем карточная.

Не нарвись он на эту Аллу Эдуардовну с ее округлостями, не поведись на статью и зрелую похоть, шел бы сейчас не от Кашея, униженный и злой, а из крутого бара с девочкой в обнимку. Ведь как подвела, ведьма, как подвела! Все до последнего цента выложил, косясь на декольте ее шелкового платья и двигая фишки дрожащими пальцами. Сто тысяч зеленых! За один присест! И ни розовой девчачьей попки, ни плотной талии мадам. Облом! Нищий никому не нужен!

И Кашей чуть шею не свернул. И свернул бы толстыми своими пальцами, только с кого бы долг стал трясти? С жены беременной?

Лучше бы он после визита к Светке домой не заходил. Сразу в клуб! Но от Катькиных виноватящих глаз пришлось сбежать. Чтобы забыться. Сергей не пил, курил так, чуть. Но он играл. И стоило настроению испортиться, как игра не шла! Так что Катька еще виновата! Нечего было на него так смотреть! Под руку...

Как-то до сего дня удавалось ему держаться на уровне: то проиграет, то выиграет. Даже все больше в плюс шло. Вроде бы прибавка к зарплате. Хотя, что зарплата! Смех!

Сергей поежился – и не холодно, а дрожь не отпускает. Он уже подходил к дому, раздумывая на ходу, что сказать жене, как вдруг заметил нечто странное. Не то, что у подъезда стояла «Скорая», это было как раз не редкостью: на втором этаже жила старушка-астматик Горохова, да и Саре, Катькиной сестре, неотложку вызывали довольно часто. Странной была сама машина: старая «буханка» грязно-голубого цвета. И крест на боку не красный, а скорее коричневый. Сергей ускорил шаг. Он видел, что в машину уже почти полностью задвинули носилки, на которых кто-то лежал. Он подбежал к машине как раз в тот момент, когда изнутри быстро захлопнули задние дверцы. «Буханка» резво рванула с места и выехала через арку со двора.

«Бабушке Гороховой совсем, видно, хреново!» – подумал он и повернулся к дому.

– Сереженька, Катю-то повезли! – шурясь на утреннем солнце, сама бабка Горохова стояла на крыльце подъезда, кивая в сторону арки.

– Как, баба Таня?! Как Катю? Ей рожать только в августе! – бестолково засуетился он, ища мобильный по карманам.

– Я-то не знаю! Только в окно и увидела, как ее на носилках – в машину! И простынкой белой она укрыта! С головой, – почти прошептала бабка последние слова, и сама испугалась сказанного.

– Так, может, не она?

– Она, Сереженька, она. Живот-то торчал высоко. А больше у нас беременных в подъезде нет. Я было выйти хотела побыстрее, так пока шла, машина-то и умчалась. И тут ты. Номер-то, номер не запомнил?

– Номер... – Сергей вдруг испугался: вот, что еще было странным! Не было номеров у этой «Скорой»! Не было! Без номеров машина!

– Ну?

– Нет, не видел я, – Сергей, наконец, вынул из кармана телефон. – Ах, Кашей! Ах, тварь безродная! – бормотал он, набирая номер.

– Сережа, надо бы больницы обзвонить, – испуганно пролепетала старушка.

– Да, я сейчас из дома позвоню! – Сергей быстро прошел в подъезд.

Он понимал, что пришла беда. Он ждал и ждал, когда прекратится эта идиотская мелодия, установленная Кашеем на режим ожидания. Решил, что возьмет измором, пусть хоть потом тот его и матом пошлет.

– Бери трубу, бери! – заклинал он, бегая по прихожей квартиры. – Але! Кашей!

Но вдруг, услышав спокойный голос бывшего одноклассника, совсем испугался. Не его, Кашея. А факта, что тот окажется ни при чем.

– Ты зачем так с Катькой? Зачем тебе беременная баба? – заголосил он, срываясь на визг. – Что я несусь? Ты зачем Катьку увез, сволочь? Куда? Это ты меня спрашиваешь? Наши с тобой дела, не ее! Тебе она зачем? Что ты с ней делать будешь? Я спятил? – Сергей резко остановился, уловив вдруг в голосе Кашея напряженное удивление, и заговорил спокойно. – Да, Катьку увезли. На «Скорой». Что я дергаюсь? Машина без номеров! Вообще нет никаких! «Буханка» древняя. Да ей рожать в августе, какие схватки! Слушай, Коль, прости, что наорал. Не знаю, что делать. Теща со своими скоро прилетает с фестиваля, буквально через несколько часов. Что я ей скажу? Да обзвоню я больницы! А если ее там нет? Спасибо, Коль.

«Не он, точно! Натурально испугался за Катюху. Тогда кто же? Да, больницы! Нужно позвонить!» – Сергей набрал номер единой службы поиска.

Ее нигде не было. Да и не могло быть, так решил он, увидев на полу пакет с кошельком, а на тумбочке Катин телефон. Она, видимо, собиралась в магазин, только не успела. Но дверь открывала – сейчас та была просто захлопнута, а не закрыта еще и на замок, как обычно. Все произошло на пороге. А вдруг ее убили? Почему бабка сказала, что она была укрыта простыней? Как покойница?

– Что тут произошло?! – крикнул он в голос, набирая еще раз номер Кашея.

– Коль, нет ее в больницах. Полицию? Да кому это нужно, искать ее? Скажут, ждите три дня! Чей телефон? И что, он поможет? Давай. Что-то ж надо делать. Записываю. Так. Борин Леонид Иванович¹. Спасибо, Коль. Я позвоню.

¹ Борин Леонид Иванович – герой романов «Рубины для пяти сестер», «Любимые женщины клана Крестовских», «Трудные леди школы Бауман».

Глава 9

Мерный гул двигателей самолета убаюкивал, но Вера Михайловна так и не смогла заснуть. Всю дорогу, искоса поглядывая на беззаботно дремавшего в соседнем кресле мужа, пыталась перебрать в уме варианты того, что может ее ожидать в родном городе. Придумывала ситуацию, гнала мысли через «тьфу-тьфу, не сглазить» и вновь что-то себе сочиняла. Наконец, измучившись, закрыла глаза вроде бы на минутку, а проспала, как позже выяснилось, почти час.

Она умела опережать события, так ей казалось. Часто еще до того, что должно произойти, ей как бы виделась картинка, немой киношный кадр с действующим главным героем. Так было, когда Катя повредила руку, нечаянно толкнув локтем стоявший на подставке горячий утюг. Вера Михайловна обернулась от плиты к девочке именно в тот момент, когда та уже потянулась за шнуром, чтобы выдернуть из розетки. Утюг Вера Михайловна подхватить успела, по локтю Кати он только чуть скользнул, оставив небольшой продолговатый след на нежной коже... И когда Ромка перегнулся через перила балкона в доме культуры, где они давали концерт, она тоже вдруг поняла, что кирпич, на который он привстанет, полетит вниз со второго этажа, и Ромкина нога повиснет в воздухе... Она поймала его тогда за брючный ремень, рванула на себя, упала, больно стукнувшись спиной о выступающий угол стены.

Сейчас она силилась угадать, что будет, и не могла.

– Ну что ты маешься! – услышала она голос проснувшегося мужа. – Все уже позади! Вера, эти поездки тебя доконают, если ты все будешь пропускать через себя. Ты начинаешь дергаться еще дома. Часто без повода.

– В этот раз причин для волнений было предостаточно, – не удержалась она от язвительного тона, вспомнив последний перед отъездом серьезный разговор с Федором. – Главное, ты так вовремя подсуетился...

– Не начинай, Вера! Я же тебе сказал, что буду помогать семье, – досадливо поморщился тот, и Вера, замолчав, отвернулась.

«Так семьи больше нет. Какая ж семья без отца...» – подумала она почти равнодушно, только где-то глубоко в сердце слегка кольнуло большое чувство обиды.

...Ей казалось, самый сложный характер у Кирилла. Частые перепады его настроения иной раз доводили ее до слез. Удавалось, правда, их скрыть, вовремя шмыгнув на кухню или в ванную комнату. И, досчитав до десяти, медленно, с глубокими вдохами-выдохами, успокоиться. Покрасневшие глаза она маскировала очками – зрение с детства было неважным, и дымчатые стекла надежно скрывали следы ее минутной слабости.

Катя первой предложила показать его детскому психологу. «Мама Вера, это у него неспроста... Не от невоспитанности! Это что-то из раннего детства!» – предположила она, а Вера Михайловна согласилась.

...Отец и мать Кирилла Рощина были артистами эстрады, родившими ребенка, когда им было по девятнадцать лет. Бабушек, готовых воспитывать малыша, не было, и маленький Кир рос на руках случайно подвернувшихся нянек, самой постоянной из которых был вахтер дома культуры дядя Вася. Отставной майор, страстный выпивоха, из-за чего и не сложилась его военная карьера, давал мальчику, чтобы тот не плакал, импровизированную соску: мякиш хлеба, завернутый в марлю и смоченный в пиве. Весь день ребенок посапывал в коляске рядом с ним, не слыша ни хлопков входных дверей, ни шума голосов проходивших мимо людей. С годами дядю Васю сменила соседка, из жалости согласившись за мизерную плату брать малыша на день. Привыкший спать днем, Кирилл отыгрывался ночью, доводя уставших родителей до

отчаяния своим голодным ором. Те ссорились, пытаясь переложить обязанности по уходу за ним друг на друга, затем бурно мирились под его плач.

Когда Кириллу исполнилось пять, он в одночасье стал сиротой: микроавтобус с артистами, возвращавшимися с концерта из районного центра, попал в аварию. Погибли только родители Кирилла...

И все же сгладить неровности психики мальчика помог не психолог, а время и любовь.

А вот с Ромой проблемы были куда более серьезные. До сих пор тот кричит по ночам, просыпается, пугаясь собственного крика, и пугая других...

Вера Михайловна выглянула в иллюминатор. Самолет заходил на посадку. Они впервые возвращались домой глубокой ночью.

Мысли, уже в который раз, вернулись к Кате.

Говорят, мать больше всех любит первенца. А для Веры Михайловны Катя и была первой дочерью. Хотя и пришла в семью десятилетней. Но несмотря на то, что она со временем стала старшей сестрой для всех остальных детей, ее непригодность во всем, что не касалось музыки, заставляла даже Семку подсказывать ей простые вещи. Катя никогда не злилась, отвечала ему улыбкой и... слушалась. Обижаться не умела совсем. Ее обсчитывали в магазине, с наглым видом отдавая сдачу на порядок меньше, чем должно. Даже заметив это, она лишь смущалась, торопливо уходила, отворачиваясь от вороватой физиономии торгашки, а, вернувшись домой, виновато смотрела на нее, маму Веру. С деньгами в их семье никогда слишком хорошо не было, хотя копейки не считали.

И мальчишки, в ту пору еще только переступившие порог их дома, обманывали ее, как могли. Особенно, когда дело касалось выполнения школьных домашних заданий. Хорошо и охотно учился только Рома. Кирилл с Тимуром, дождавшись, пока тот решит задачи, дружно списывали, делая нарочито небрежные пометки, будто бы сами корпели и мучились над решением. Катя, даже и заметив это, хвалила всех одинаково, выдавая сладости поровну: и умному Роману, и тем, кто пользовался его трудами.

Обманывал Катю, причем самым наглым образом, и ее муж Сергей. «С ней может случиться все что угодно! – подумала Вера Михайловна. – От потери кошелька с последними рублями до окончательной ссоры с этим негодяем!»

Шасси самолета плавно коснулись взлетной полосы. Этот негромкий звук словно колоколом отозвался в голове Веры Михайловны. Она дождалась полной остановки самолета и тут же включила телефон. Торопливо набрав Катин номер, сразу сбросила вызов, ругая себя за нетерпение. «Наверняка Катюша заснула, ожидая нас. Пусть отдыхает», – решила она.

Глава 10

Никогда еще они так долго не ехали из аэропорта в город. Или ему, Федору, так казалось? Он так соскучился по Наденьке. Такой ласковой, сладкой!

Как ему не хотелось от нее уезжать в этот раз, хотя Наденька не запрещала. Умница такая, даже не упрекнула его ни разу за эти два года!

Федор и предположить не мог, что бывает вот так, сразу: парой слов не обменялись, а понимаешь – твоя, родная. Словно жил уже с ней долго, в какой-то еще своей жизни – параллельной или прошлой. Скорее, в прошлой – какая она, подзабыть успел. А увидел и вспомнил. Взгляд спокойных серых глаз, ресницы распахнуты. Рука, тремя короткими движениями поправляющая короткую стрижку на затылке. Небрежно так, но женственно! Аж сердце замирает. Тонкое запястье перехвачено золотой змейкой. А на пальце кольцо. Он в первую же встречу не удержался, схватил Наденьку за руку, заметив мельком, что и не протестует она, посмотрел: нет кольца! А след есть! Был след, широкий, как и то кольцо, что вспомнилось – простое, без камешка ободок! А Наденька вдруг покраснела. Он растерялся: что-то тут не так, перемешались две жизни, что ли!

На них уже косо поглядывать стали: в маленьком магазинчике все произошло, сигарет забежал купить, а тут она за прилавком. А за ним – очередь...

Отошел тогда в сторону, присел на низкий подоконник, да так и просидел до последнего покупателя.

А потом домой провожал, держа за руку. И мира вокруг не существовало. Только узкий мирок – его и Наденьки.

Два года после – как один день! Только все тяжелее становилось врать Вере. И видеть все понимающие глаза Кати и Сары. Дочки взрослые уже... Хотя, какие они ему дочери!

Спору нет, жалко было девочек, когда остались сиротами. Но не более того. Почему так безропотно согласился удочерить их? Вера решила. А он просто не захотел выглядеть хуже. Хуже, чем жена...

Колесо попало в дорожную выбоину, и микроавтобус слегка трянуло. Федор на миг повернулся к Вере. «Даже не вздрогнула! Опять в своих мыслях, будто меня и рядом нет!» – подумал, но не обиделся: привык за столько-то лет!

...Зачем тогда на ней женился, сам гадает до сих пор! Жили дверь в дверь, и не замечал девчонку. Бегала-шмыгала мимо, тонко пискнув «здрости», точно мышонок серенький, ни красоты никакой, ни стати.

С родителями у него проблем было выше крыши, учеба так себе давалась. Знал, в армию прямая дорога. Косить не собирался, силой бог не обидел, и не только физической. Чувствовал Федор, что согнет любого и без кулаков. Остался на сверхсрочную, умом понимая – на гражданке делать нечего, только за станком тупо смену трубить или водилой в такси.

Если бы отец с матерью оба в одночасье от отравы какой-то выпитой не преставились, не вернулся бы! А так – как раз к похоронам.

Не узнал соседку поначалу – куда мышка делась! Все при ней, хотя и худовата слегка. Так ее вдруг захотел – в постельку, «на сладкое», после стакана водки поминальной. Но чувствовал – без ЗАГСА не пойдет! И с легу расписаться, какая любовь?

После первой ночи понял, куда попал! Музыка у нее только в душе звучала. А в остальном...

Изменял ей всегда. Выбирал баб погорячее, чтоб тело жаркое было да голос громкий, бесстыдный. Изменял, пока Наденьку не встретил. Как-то оглянулся – женщин вокруг нет, так, куклы ходят. А она одна желанна. Так и сохнет по ней с тех пор.

Федор уверенно вел микроавтобус, искоса бросая взгляды на Веру: думал вроде бы о Наденьке, а жена рядом сидит. Впрочем, пока жена. Сейчас соберется с духом и скажет, что на развод подает. И так два года между ней и Наденькой разрывался.

– Вера, в город въехали, пост уже, – сказал громко.

– Да, Федор, – открыла глаза, словно из сна возвращаясь.

– Вера, я сейчас вам помогу с вещами...

– Не нужно, мальчишки сами. Ты поезжай, – сказала спокойно.

– Развестись бы нам, – получилось как-то с тоской, сам на себя озлился.

– Конечно. Только, как с опекой над детьми быть? – посмотрела на него с тревогой.

«Очнулась! Все, что волнует – дети! И еще ее величество Музыка! Как же я жил?! Мое место-то при ней каково было? Помочь-принести?!» – ужаснулся мысленно.

– При чем здесь опека? Я от детей не отказываюсь! – сказал, а в душе мыслишка гаденькая зацепилась: зачем они мне, дети чужие!

– Федор, мальчишек нам отдали лишь потому, что у нас семья полная – отец, мать. Не заберут обратно? Куда им в детский дом? Их там... забьют! Мне одной их могут не оставить! И Катя беременна... – совсем вдруг севшим голосом добавила она.

– У Кати муж есть!

– Да уж! Есть! А лучше б не было! Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. В конце концов, Костю попрошу помочь.

Опять Костя! Федор невольно поморщился, хотя, что уж тут ревновать – развод впереди. И не из-за друга Кости!

Не слепой Федор, видел, как Лыков к его жене относится. Видел, но молчал. Да и что скандал раздувать – все пристойно! Ни тебе свиданий тайных, ни виноватых глаз того и другого! Злило Федора именно это – до тошноты оба правильные! Иногда перехватывал Веркин взгляд на Лыкова, благодарный, даже нежный. И легкое смущение. Лыстил себе: раз уж он, Федор, не смог ее женскую сущность разбудить, то уж Костику не под силу точно. От него даже жена гуляла. Какой мужик потерпит! А Лыкову, похоже, все равно. Походя с женой развелся: ни травм душевных, ни обид. Вычеркнул бабу из своей жизни – пошла вон. Знает Федор, Костик ей до сих пор что-то вроде алиментов выплачивает. А та спивается фирменным коньячком потихоньку...

Федор мысленно усмехнулся: все-таки мужики собственники! Другую любит без памяти, а все Верку ревнует!

Он завернул во двор и подрулил к подъезду. Притормозил, заглушил двигатель. Вера, не глядя на него, тут же вышла из автобуса.

– Рома, подавай чемоданы. Тимур, принимай внизу, – распорядилась негромко. – И тише, пожалуйста, люди спят. Кирилл, помогай!

Федор дождался, пока весь багаж до последней коробки не занесли в подъезд, и лишь тогда сел за руль и хлопнул дверцу. Где-то в глубине души кольнуло: никто, даже Семка, не повернулся к нему, чтобы сказать: «Пока!» Но тут он подумал о Наденьке и улыбнулся. «Что ж! Рвать, так рвать!» – решил он, поворачивая ключ зажигания.

Вера, заходя в подъезд, спиной чувствовала взгляд мужа: обиделся. Не на нее, на детей. «Не я виновата в том, что ты не стал им отцом, Федя», – подумала без сожаления и перешагнула порог. Дверь мягко закрылась, и она облегченно вздохнула. Подхватила свою дорожную сумку,

самое легкое из багажа, что оставили на нижней ступеньке мальчишки, и стала подниматься по лестнице.

Последним человеком, которого хотелось бы видеть, был ее зять. Но в дверном проеме, застыв, словно изваяние, стоял именно он. Прежде, чем взглянуть ему в лицо, она заметила его протянутую руку.

– Давайте саквояж, Вера Михайловна, – дрожащий тихий голос насторожил, и она, машинально отдавая ему сумку, глянула все же на его бледную физиономию. И испугалась. Ни следа обычной нагловатой улыбочки и холодного прищура глаз.

– Где Катя? – тон получился угрожающим, отразив внутренний ее настрой: он виноват! Еще незнамо в чем, но виноват!

– Не знаю... – проблеял – не сказал! Точно, нашкодил!

– Что ты с ней сделал? – опять с угрозой, а как иначе-то!

– Нет ее! Дома нет! Пришел – а ее нет! – перешел тот на визг.

Вера Михайловна глубоко вздохнула, думая, что успокоится. Не получилось: сердце сбивало ритм, а в горле пересохло так, что запершило. Все еще глядя на зятя, краем глаза заметила испуг на личике Семки, задержавшегося в прихожей.

– Сема, беги, помогай вещи распаковывать, – ласково сказала она ему и улыбнулась.

Тот обиженно насупился, но ушел.

– Теперь рассказывай! – приказала Вера Михайловна.

– А нечего рассказывать! Ну, не было меня прошлой ночью! Это наши с Катей дела! – он снова перешел на визг. Ох, как она ненавидела эту его бабью привычку!

– Да говори уже!

– Я пришел утром. Во дворе «Скорая» стояла. И кого-то на носилках туда загружали... Я думал – бабка Горохова! Я ж не знал, что там Катя! Когда машина уехала, старуху на крыльце увидел. Живой-здоровой! Я домой, а Кати нет. Горохова сказала, что Катя была на носилках! Это ее погрузили в машину!

– В какую больницу ее отвезли? Почему ты дома, а не с ней? А если у нее преждевременные роды начались? Какая клиника? Ты узнал?

– Ее нет ни в одной больнице. И в морге тоже нет...

– В каком морге? – Вере Михайловне показалось, что у нее остановилось сердце. – Почему в морге?! Ты с ума сошел? Ты что несешь?!

– Так бабка сказала, что простыней тело... то есть, Катя, была накрыта... белой... Я звонил везде! Нет ее!!!

– Прекрати истерику, – Вера Михайловна присела на пуфик и достала из кармана телефон.

– Я уже все обзвонил...

– Помолчи... Бюро несчастных случаев? Здравствуйте. Будьте добры, посмотрите... Катерина Шторм, двадцать семь лет. Беременность тридцать две недели. Да, сегодня увезла «Скорая». Возможны преждевременные роды... Не поступала? А в частные клиники ее не могли отвезти, понятно. Совсем в списках нет? Спасибо.

– Машина была без номеров.

– Как это? – Вера Михайловна удивленно посмотрела на зятя.

– Старая «буханка», не знаю, такие по вызовам ездят сейчас вообще?! И номеров не было! По крайней мере, задних!

– Ничего не понимаю...

– Ее похитили, наверное. То есть увезли насильно. Я одному знакомому звонил... Нашему с Катей однокласснику Кашееву. У него связи... везде. Он мне дал телефон мента, то есть мужика из следственного комитета. Борин его фамилия. Он поможет. Утром звонить буду.

– Скажи, Сергей, у тебя проблемы? – Вера Михайловна напряженно смотрела на зятя.

– Проблемы – не проблемы... К Кате они не имеют никакого отношения! Что вы из меня монстра делаете?! Я что, жену беременную, по-вашему, подставить могу?! – возмутился он, но, посмотрев на Веру Михайловну, тут же замолчал.

Позже, успокоившись, Вера Михайловна так и не смогла себе объяснить, почему, думая о Кате, она вспомнила об Анке Хмелевской, погибшей в Кракове. Их портретное сходство, конечно, наталкивало на мысль о родстве. Но мало ли в природе двойников! И все же у двух девушек было нечто общее и кроме этого: случившаяся с ними практически одновременно беда.

Глава 11

Сара заплакала. Лишь только все вспомнила. С того момента, как увидела Катю, лежащую на дороге. Вспомнила Семку, подъехавших полицейских, и как потом все поплыло перед глазами. Потому что она вдруг отчетливо поняла: не Катя! Не Катя там, на мостовой! Сказать ничего не успела, сознание ушло, боль в груди случилась в этот раз более резкой, чем обычно, только успела, что испугаться: вдруг это все?!

Теперь вот очнулась и заплакала – жива.

...Родных Сара потеряла в один день. И маму с папой, и сестру. Сара только потому и осталась жива, что не поехала с ними на дачу в те выходные. Простудилась и осталась дома с бабулей. Они вдвоем ужин готовили в воскресенье, ждали родителей и Олю. А вместо них – полиция. Дача сгорела дотла. В ночь с субботы на воскресенье. Печка оказалась неисправной. «Да что там может сломаться, в печке-то? Дровами она топилась более ста лет уж. В порядке ее сын содержал. Дети у нас, как не проверять?» – устало сказала бабушка, не глядя на следователя, который убеждал ее, что это – не поджог. Стыдно бабушке было за этого молодого полицейского. За то, что дело хотелось ему побыстрее закрыть, галочку в отчетности поставить, и видно это было явно. А дом загорелся как-то сразу со всех сторон, не от печки. Так свидетели в один голос утверждали. Бабушку на пожарище по ее просьбе Федор с мамой Верой возили. Сару дома оставили, с Катей. Вечером, когда пили чай на кухне, бабушка высказала предположение, что поджог – дело рук молодого хирурга из клиники, где отец работал. Выгнал он того со скандалом – деньги с пациентов вымогал. Сам папа за операции денег никогда не брал, даже коньяк с водкой, подаренные в благодарность, соседям раздавал, только конфеты в коробках – Саре. Олюшка аллергией страдала на шоколад.

Мама Вера с Федором Ивановичем после смерти бабули ее к себе взяли. Сразу сказали – в детский дом не отдадим, не бойся. «Ну какой Сарочке детский дом, Федя. Она ж там пропадет», – тихо говорила мама Вера мужу, а Сара все равно слышала. Так она стала второй приемной дочерью Бражниковых. Кате было уже двадцать два, она жила отдельно, но приходила к ним каждый день. Красивая, смотреть больно. И почти всегда грустная...

Сара вытерла слезы и попыталась сесть в кровати. Получилось, только задохнулась немного. Она осмотрелась – палата была двухместная, но вторая койка пустовала.

– О! Уже поднялась? – Элина вошла в палату, положила пакет на тумбочку и наклонилась к Саре, чтобы помочь приподнять подушку.

– Спасибо, Эля. Как там наши, улетели?

– Вчера в аэропорт отвезла. Осталась ты, Сарочка, на моем попечении, – улыбнулась та. – Вера Михайловна вернется за тобой к концу недели. Тимофей-то как уезжать не хотел!

– Нечего ему тут делать, – покраснела Сара.

– Да так-то бы, конечно... – вновь улыбнулась Элина.

Тимофей Лыков был внуком Константина Юрьевича, друга мамы Веры и Федора. В ансамбле играл всего два года и, по сути, один из всех учеников мамы Веры жил с родителями. Когда отец с матерью в очередной раз убывали в командировку на полгода, Тима перебирался в квартиру к деду. Но тот и сам только лишь не ночевал на работе, и тогда Тима приходил к Бражниковым после школы, а уходил поздно вечером. Не сразу Сара догадалась, что он в нее влюбился. А когда поняла, обиделась: до этого было так хорошо! Не сложно, а спокойно и комфортно. Чувство неловкости гнало ее прочь из той комнаты, где находился он. Смотреть в глаза, смеяться, когда он рядом, даже просто пить чай за одним столом вдруг превратилось

в муку. И оказалось, она одна – дура такая слепая. Влюбленность Тима видели все, да и не скрывался он особенно. И мама Вера, и Катя, и даже Семка ждали. Дождались – Саре вспоминать больно и стыдно, как первый в жизни подаренный ей букет она, как дикарка, кинула Тиме обратно. И гордо удалилась. Чтобы потом проплакать всю ночь в гардеробной среди костюмов и чемоданов. И еще стыднее стало утром, когда увидела цветы в вазе на тумбочке возле кровати. И брелок-собачку рядом. Глаза собачки смотрели на нее так же преданно, как и Тимкины. «А я все равно не обиделся!» – было написано на крохотной открытке-сердечке.

Она так ему ничего и не ответила до сих пор. Только почему-то теперь было больно, когда его не было рядом. Вот как сейчас...

– Эля, там не Катя была на улице, – Сара дотронулась до руки задумавшейся девушки.

– Я знаю. Семка первым догадался. Катя-то беременна! Но очень они похожи. Просто невероятно! Имя этой девушки – Анка Хмелевская. Ей двадцать пять, живет в поместье в окрестностях Кшешовице. Семья состоятельная, есть брат Михаэль, они двойняшки. Мы встретились с ним в полиции. Он ждал сестру в кафе неподалеку. Не дождался, пришел в участок...

– А машину нашли?

– Да, в двух кварталах, без водителя, конечно... полиция занимается. Ты, главное, не переживай все заново. Есть дело более важное. Сара, Вера Михайловна дала согласие на операцию. Клиника в Германии, тебя там ждут.

– Я боюсь.

– Как раз это – нормально. Ты просто прими, что операция – шанс. На здоровую полноценную жизнь. И, как говорят врачи, шанс неплохой. Я даже уговаривать тебя не стану, как меня просила Вера Михайловна. Мое мнение – ты сама должна решиться. В этой клинике кардиологическое отделение возглавляет твой земляк, хирург от бога, как сказал твой лечащий врач пан Завадский.

– От бога... Так всегда говорили про папу... – перебила Элину Сара.

– Сарочка, думаю, твои родители не стали бы смотреть, как ты страдаешь. Использовали любую возможность. Мама Вера тебя любит, потому и согласилась на операцию. И ты подумай... Так, кому-то я понадобилась, – Элина, услышав телефонный звонок, полезла в свою сумку. – Да, слушаю. Как долетели, все хорошо? Да, я у Сары. Как Катя? Я не очень поняла, куда увезли? Да, Вера Михайловна, конечно. Да, мы с Сарой будем вас ждать. Думаю, она согласится. До встречи.

– Что с Катей?

– А? Нет, ничего страшного. Подстраховались с беременностью, положили в больницу на несколько дней, срок-то уже приличный, – соврала Элина, внутренне холодея. Почему-то у нее в голове сразу «срослись» два события. Смерть незнакомой Анки Хмелевской и то, о чем она только что узнала: похищение так похожей на нее Катерины Штурм.

Глава 12

Борин ухмыльнулся. Звонок был неожиданный, и относиться к нему можно было по-разному. А он вдруг испытал чувство, по смыслу близкое к удовлетворению. Первый раз Николай Кашеев проходил свидетелем по делу об ограблении кассира строительной фирмы, случившемуся лет семь назад. Якобы видел кого-то накануне рядом с офисом да приметы запомнил. Борин тогда смотрел на толстенького паренька с бледным лицом, по цвету напоминавшим сырой блин, на его затемненные очки в тонкой оправе, за которыми почти не видно было глаз, и слушал его вполуха. Парень врал. Врал виртуозно, с красочными уточнениями, а Борин не мог понять – зачем? Интеллигентный вид и правильная речь Кашеева не могли ввести в заблуждение Борина. Он нутром чувствовал – причастен. Грабителей нашли, Кашеев остался в стороне. Ну, обознался, перестраховался, так хотел лишь следствию помочь. Вот так, разводя пухлыми ручками в стороны, сокрушался тот. Второй раз его смели со всей остальной шушерой в клубе на окраине города, называемой Безымянкой. Клубом этот полуподвал можно было посчитать с натяжкой, больше там было проституток, чем клиентов, способных им заплатить, и тусовалась преимущественно рабочая молодежь. Чаще с кружкой пива. Но что-то туда добавлялось еще, в эту кружку. Уж больно весело заканчивался такой отдых. Облава была удачной: у троих нашли «колеса». Много. Мальчишкам не было и шестнадцати, они что-то там попискивали, что, мол, дал им это злой дяденька. Описать внешность дяди не смогли, отвечать пришлось самим. Одного адвокаты сумели отмазать, да и видно было, парень случайный, он-то позже и «нарисовал» дяденьку. Выходило – Кашеев. Но подписываться под своими показаниями, данными на радостях освобождения, парень не стал, Кашеев опять остался в стороне. На Борина, который только досадливо махнул рукой, Кашеев, уходя, бросил нагловатый, но осторожный взгляд. «Побаивается», – понял Борин. Сколько потом ни осторожничал Кашеев, коллеги из отдела наркоконтроля с подачи Борина того поймали. Наркоты при нем было немного, всего на два года отсидки. Постройневший и притихший, он появился у Борина в кабинете, ровно как окончился срок, и с порога начал каяться. И началась игра, понятная только им двоим. С неожиданными ходами с обеих сторон. И уже пять лет была ничья.

А сегодня вконец обнаглевший Кашеев позвонил Борину и попросил о помощи. Вот такой нестандартный ход: мол, на одной мы с тобой стороне сейчас воюем, Леонид Иванович. Нехорошие преступники женщину беременную похитили, одноклассницу (вот такой я сентиментальный), помоги. Борин поможет. И не потому, что Кашеев попросил. Знает Борин о музыкальной семье Бражниковых от своей жены Даши – пользуется она всех их в своей стоматологической клинике. А о красоте и скромности старшей приемной дочери Кати жена всегда говорит с восторгом. Оказывается, Катя и пропала.

Странно, что Кашеев так поздно позвонил, уже после звонка ее мужа Сергея Шустова, которому сам же и дал номер телефона его, Борина. Опять игра? Побоялся, что тому откажет? Продублировал? Хотя, какая разница? Ехать к Бражниковым нужно. Вот сейчас заедет домой пообедать, а потом сразу к ним.

Так уж получилось, что на их лестничной площадке в соседних квартирах с некоторых пор живут два следователя – он и Беркутов². «Мощная у нас с тобой охрана, Дашка, что на все засовы-то закрываешься?» – смеется жена Беркутова Галина³, когда его, Борина, осторожная женушка защелкивает все замки. Даша в ответ только удивляется беспечности соседки – мол, охрана дома хорошо, если к ночи явится. Тарелка неважно какой еды и сразу в койку, на бок,

² Егор Беркутов – герой романов «Два сына одного отца», «Клетка семейного очага», «Свои чужие люди»

³ Галина Голованова (Беркутова) – героиня романов «Рубины для пяти сестер», «Два сына одного отца»..

с мощным храпом до утра. А в ногах этого «охранника» в полном отрубле спит и «сторожевая» собака Ленька – разъевшаяся и облевившаяся до безобразия дворовая псинка.

Это было правдой, но не совсем. Пара часов вечером у Борина для семьи всегда находилась.

Еще в прихожей он услышал дружный женский смех. Поняв, что обедать придется в веселой компании – к Дашке с Галиной заехала, как всегда по пути куда-нибудь, сестра последней Лялька⁴, Борин даже не обиделся, что его никто не встречает, кроме печально насупившегося пса.

– Что? Выгнали тебя дамы из гостиной? Толай на кухню, там наши с тобой миски, друг! – Борин притворно вздохнул и потрепал Леньку за ухом.

– О! Борин! – Даша выглянула из приоткрытой двери и тут же широко ее распахнула. – Давай, мой руки и к нам!

– Приветствую всех, – Борин помахал все еще улыбающимся чему-то своему женщинам пятерней и направился в ванную комнату.

Каждый раз, проходя по этому длинному коридору, он невольно вспоминал, как давно, тогда еще не жена совсем, а молодая женщина Дарья Шерман вела его за руку этим же путем в ванную комнату все для той же процедуры – мытья рук. Она собиралась кормить его, завалившегося к ней чуть не в полночь для допроса мента, поздним ужином! А он, держа ее маленькую ладошку в своей лапе, мечтал лишь об одном – чтобы этот коридор оказался бесконечным...⁵

– Леня, ты, кажется, не собирался сегодня на обед? Что, поездка в область отменилась? – Даша, как всегда, была в курсе его планов на день.

– Да, Дашуль, появилось неотложное дело. Пропала дочка Бражниковых.

– Катя?! – в один голос воскликнули Галина с Дарьей.

– Катя... – Борин вкратце рассказал, о чем ему поведали Кащеев и Шустов. – Я сейчас к Вере Михайловне иду. Что это похищение – очевидно. Нужно, чтобы она написала заявление.

– Но Катя ж беременна! И на большом сроке! – Даша не могла скрыть удивления.

– Вот именно. И денег у семьи, как я понимаю, на выкуп нет. Ладно, девочки. Спасибо за компанию, я пошел, – Борин проглотил плотный обед, уложившись в несколько минут.

– Леня, подожди. Похищение – да, точно. Но не деньги причина. Там что-то более... опасное.

– Что, Ляля? Что ты имеешь в виду? – Борин, привставший было со стула, опустился на него вновь и напряженно посмотрел на сестру Галины. Она сидела прямо, с плотно закрытыми глазами.

– Он должен был ее убить. Но почему-то не сделал этого. Все будет хорошо, она вернется сама, – Ляля резко открыла глаза и пальцами потерла виски.

– На, выпей, – Даша буквально вставила ей в руку стакан с водой. – Ляля, ты себя... загонишь в гроб этими видениями! Посмотри – белее Галкиной парадной скатерти! Я тебе как врач говорю – завязывай со своими «погружениями»! Жуть какая-то! Надо на камеру снять и тебе показать – возможно, хотя бы испугаешься!

– Что ты на нее налетела, Даш! Иди мужа провожай, – Галина обеспокоенно смотрела на сестру, лицо которой все еще оставалось бледным.

Борин и Даша молча вышли в прихожую.

– Леня, ну ты опять? Я же просила при Ляльке ничего не рассказывать. Ты видишь, она сразу «включается».

⁴ Елена Соколова (Ляля) – героиня романа «Рубины для пяти сестер».

⁵ См. роман «Рубины для пяти сестер».

– Так, как-то само получилось, – Борин виновато поцеловал ее в макушку. – Раньше такого с ней не было. Когда на картах смотрела.

– Знаю... Не пойму, что с ней происходит! Такое впечатление, что энергии ей не хватает. Или... – Даша замолчала.

– Что, Даш?

– Нужно ее заставить пройти обследование. Полное медицинское обследование. И лечить, если что, медикаментозными средствами, а не пассами и молитвами! – уже сердито проговорила Даша, буквально выталкивая Борина за дверь.

Он пешком шел к дому Бражниковых и думал о Ляле. Скажи ему кто еще несколько лет назад, что он в расследованиях будет пользоваться информацией, добытой с помощью... ведьмы, он бы просто послал такого шутника в баню – пропарить глупые мозги. Сейчас же он принял Лялино сообщение как доказанный факт. Уже не раз неожиданно сказанные ею слова помогали в работе. И, что уж тут, было дело, которое без ее способностей им раскрыть бы не удалось.

* * *

Дверь Борину открыла женщина, которой, наверное, каждый год в день рождения говорят: «Оставайся такой же молодой и красивой, как сейчас». Глаза блестели не от слез, от тревоги. И от непонимания, что делать. Куда бежать, кого просить.

– Здравствуйте, Вера Михайловна. Я – Борин Леонид Иванович.

– Здравствуйте. Я вас узнала, вы – муж Дашеньки... Проходите, пожалуйста. Вы, кажется, в полиции работаете?

– В следственном комитете.

– Это я вам звонил, – раздался из-за спины Бражниковой голос молодого мужчины. Борин с удивлением отметил, что обладатель его сильно напуган.

Вера Михайловна бросила мимоличный взгляд на зятя. «А зять не любимый, но терпимый в силу обстоятельств», – понял по-своему Борин.

Стены комнаты, куда его проводила Бражникова, сплошь были в фотографиях и дипломах в рамках. Диван и два кресла, покрытые отбеленными льняными покрывалами, старинный рояль в углу, на нем подсвечник, круглый столик под связанной крючком скатертью – вот и вся обстановка. И еще – растения. В горшках, горшочках и кадках. Цветущие и нет.

– Вера Михайловна, расскажите, при каких обстоятельствах пропала ваша дочь, – Борин с удовольствием опустился в предложенное кресло, краем глаза заметив Шустова, оседлавшего стульчик возле рояля.

– Наверное, про Катю лучше Сергей... – Вера Михайловна бросила быстрый взгляд в сторону зятя.

Он рассказал. Пряча глаза, суетясь и взвешивая каждое слово. И это сильно не понравилось Борину. И сам парень вызывал полное неприятие. И еще – его плотное знакомство с Кашеевым.

Вера Михайловна сидела на диване, выпрямив спину и глядя в окно. Будто бы не участвуя в разговоре, не придавая значения словам говорившего. Она только вздрогнула, когда ее зять истерично выкрикнул: «Не пойму, кому это нужно – похищать ни в чем не повинную беременную женщину!»

– А что, есть виноватые? – спокойно спросил Борин.

– Что?! Вы на что намекаете? Что это я мог?! – округлил глаза Шустов.

– Успокойся, Сергей. Леонид Иванович никого конкретно не имел в виду, – безразлично произнесла Бражникова. – Не мог бы ты сделать нам чаю?

– Спасибо, Вера Михайловна, лучше холодной воды, – Борин понял, что той не терпится выпроводить зятя из комнаты.

– В холодильнике есть ягодный морс, принеси, пожалуйста, и мне тоже.

– Хорошо, – недовольно процедил Шустов.

– Леонид Иванович, я понимаю, вам не нравится Сергей...

Борин даже не стал возражать.

– Но он здесь ни при чем. Он труслив и недалек.

– Но тем не менее, что-то скрывает.

– Да я знаю, что это. Он изменяет Кате. Банально бегаёт к прежней жене. Думаю, что и не к ней одной. Гадко. Катя страдает, жалко ее, сил нет.

– Расскажите, Вера Михайловна, как давно живет с вами Катя?

– С тех пор, как умерла ее мать, с десяти лет. Ума не приложу, зачем ее было похищать? Ну, не наследница же она барона Ротшильда! Катина мать, Эльза Штурм, была обыкновенной алкоголичкой, опустившейся донельзя. Об отце ничего не известно. Впрочем, у Кати есть его фотография. Сергей должен знать, где. Они сейчас временно живут с нами, пока Катя не родит ребенка.

– Попросите его принести. Возможно, на обороте есть какие-то надписи. На каком она сроке?

– Тридцать две недели. Рожать ей в августе. А почему вы так заинтересовались отцом Кати? Насколько я знаю, он ни разу в жизни не вспомнил о дочери, может быть, даже и не знал о ее существовании. Эльза могла и не сообщить ему.

– Мне нужно знать про Катерину все. Какие отношения у нее с мужем? Они давно знакомы?

– Она влюблена в него со школьных лет. А он... позволяет себя любить. Я не думаю, что он дорожит Катей.

– Но они ждут ребенка...

– А он как ходил по значным местам, так и ходит!

– Что вы имеете в виду?

– Катя, по-моему, не знает, но Сергей – игрок. Он бывает в карточном клубе, – Вера Михайловна поморщилась. – И ведь ему везет все время!

– Почему вы так решили?

– Довольный возвращается. Как-то раз даже пытался мне денег дать: вернулся под утро, пачку долларов из кармана вынул – и на стол кинул. Взгляд победный! Я ему обратно в карман всю пачку положила. Столько визгу было!

– Обиделся, – усмехнулся Борин.

– Разозлился! Если б не Катя... Выгнала бы его давно, – Вера Михайловна обреченно махнула рукой. – Господи, почему все плохое тянется одно за другим?!

– Что-то еще случилось? – насторожился Борин.

– Да. Сара в больнице. Это наша вторая приемная дочь. У нее больное сердце. А тут еще она пережила этот стресс... Там, в Кракове. Пришлось ее оставить в клинике. Теперь нужно везти в Германию, на операцию. Все одно к одному...

– Вера Михайловна, – мягко остановил ее Борин. – Расскажите подробно, что случилось в Кракове?

– В Кракове... Она и Сема, наш младший, гуляли по городу. Я с остальными детьми отправилась на автобусную экскурсию по городу и окрестностям. Сарочка не очень хорошо переносит транспорт... А Сема с ней захотел остаться. Он ее так любит! И боится оставлять одну. Так вот. На их глазах машина сбила девушку. Насмерть. Это, несомненно, беда. Но и Сара, и Сема были уверены, что жертва происшествия – наша Катя. Подъехали полицейские, а тут у Сары случился приступ. Они вызвали неотложку...

– Выяснили имя погибшей?

– Да. Девушку опознал брат. Ее имя – Анка Хмелевская. И она моложе нашей Кати на два года.

– Вера Михайловна! Мне нужна фотография Кати, ее документы.

– Да, сейчас, – Вера Михайловна посмотрела на вошедшего в комнату Сергея.

– Вот морс, – Шустов поставил на столик поднос с графином и тремя стаканами.

– Спасибо.

– Сергей, будь добр, принеси Катин альбом. И фотографию ее отца.

Шустов молча вышел. Пока его не было, Борин и Бражникова молчали.

– Вот, смотрите, – Бражникова протянула Борину альбом и черно-белое фото.

– Этот человек – наш футболист Виктор Страхов, Вера Михайловна. Я с ним хорошо знаком. У него никогда не было дочери. Только два сына. И он по возрасту никак не годится Кате в отцы. В этом году ему отметили сорокалетие. Боюсь, это – вариация на тему о «погибшем летчике-испытателе», которую придумала мать Кати. – Борин открыл альбом. – Я возьму вот эту фотографию с вашего разрешения? А это кто?

– Мама Кати. Эльза Шторм. Это ее единственный снимок того времени, когда она еще не начала пить. Красива, не так ли? Но Катя на нее совсем не похожа. Хотя она не менее красива, чем мать, – рассеянно ответила Бражникова.

– Спасибо. Вера Михайловна, ваш местный телефон мы подключим к аппаратуре для прослушивания. Позже к вам зайдет наш специалист. Если вдруг позвонят похитители, соглашайтесь на все условия, которые вам предложат. Попробуйте что-нибудь выяснить, потяните время разговора. Хотя, могут позвонить и на мобильный. Ваш номер в широком доступе?

– Нет. Его нет даже на наших визитках.

– Хорошо. И еще. Детям лучше сказать, что Катя в больнице. Ну, допустим, на сохранении.

– Да, я так и сказала...

– Отлично. В таком случае, пока прощаюсь, – поднялся с кресла Борин.

– Я вас провожу, – засуетился Шустов.

– Сергей...

– Георгиевич, – подсказал тот.

– Сергей Георгиевич, давайте-ка вы завтра зайдете ко мне в отдел и расскажете, как провели последние сорок восемь часов. Я понимаю, что здесь вам не вполне удобно, – предложил Борин, когда они вышли в коридор.

– Мне нечего скрывать! Пожалуйста! Приду, нет проблем, – пожал, вроде как равнодушно, плечами Шустов.

Но Борин видел, что парню страшно. Страшно до такой степени, что, скорее всего, он проведет бессонную ночь, до тонкостей репетируя свой предстоящий разговор с ним, Бориным.

Глава 13

«Что ж так все сразу-то? Непонятно за что... И Федора нет... А мне так нужна поддержка!» – мысли путались. Вера Михайловна не знала, о чем нужно подумать в первую очередь: о пропавшей Кате, о предстоящей операции Сары или о блудном муже. Упустила она его из виду... Только вот когда?

...Их свадьба с Федором была неожиданностью для всех. Потому что более далекого от мира музыки человека, чем Федор Бражников, в окружении Веры не было. А Вера жила музыкой.

Будучи соседями по лестничной площадке, родители Федора и Веры не дружили. Так, здоровались друг с другом, когда вежливо, когда с некоторым напрягом: стены в хрущевках тонкие, то Вера за полночь инструмент терзает, то у Бражниковых гости песни до утра поют. Федор Веру не замечал, потому как маленькой была для него. А она на Федора посматривала с испугом – парень рослый, спортсмен, во дворе о нем даже мужики с опаской говорили: как-то теплым летним вечером он загулявших без меры родительских дружков взашей выгнал на глазах всего дома. И отца, попытавшегося броситься на сына с кулаками, скрутил в охапку и – домой. Вышел потом во двор, спокойно осмотрел собравшихся у подъезда соседей и произнес: «Спектакль окончен, можете расходиться». И все покорно разбрелись по своим квартирам. С тех пор конфликты дворовые разрешал не участковый, а Федор Бражников. Это в семнадцать лет! Когда ушел в армию, родители его как с цепи сорвались – пьянки каждый день с мордобоем и битьем стекол в окнах. И никакого сладу. Ну придет участковый, пожурит, пригрозит даже, толку – ноль. Всем двором Федора ждали, особенно Вера с мамой: квартиры-то их с дебоширами – дверь в дверь, страшно! Но Федор остался на сверхсрочную...

Вернулся только на похороны обоих родителей – в один день ушли, отравившись паленым пойлом. И грех, но вздохнули все с облегчением, стыдливо пряча глаза от возмужавшего сына покойных. Поминки помогли организовать, всем миром на стол собирали – какие деньги у пропойц, вещей-то в доме никаких не осталось!

Там, за поминальным столом, и углядел ее Федор. Впервые, наверное, заметил, что подросла она. Вера была тогда стройная, глаза серые, припушенные темными ресницами, бровки в разлет. Сама себе в зеркале нравилась. Но только как-то отрешенно, как посторонняя. Та, в зеркале, – вроде и не она. Часто ловила себя на мысли, что живет где-то там, где музыка рождается, а тут... На стол накрывала, тарелки уносила, приносила, а все о чем-то своем думала, как и не было ее среди жующих и пьющих людей. Только заметив вдруг внимательный взгляд соседа, смешалась, покраснела – и шмыг на кухню. Он за ней. Там и первый поцелуй в ее жизни и тут же и признание-предложение: «Замуж пойдешь? Нравишься мне очень...» Согласно кивнула, сама толком не поняв, что такое происходит?

Только, когда детей ждали, сначала мальчика очень хотелось, а года через три и девочку, поняла Вера – не пара они с Федором. Не дает бог деток. Не смогли они зачать ни на койке общежищной, пока он в училище военном учился, ни на казенных кроватях в гарнизонных квартирах.

Наконец, после двух лет службы Федора, повезло им вернуться в родной город. Отмыли так и стоявшую неприбранной квартиру родителей Федора, на скопленные рубли мебель купили. Больше всего Вера радовалась, что мама рядом живет. Стали втроем прибавления ждать. Вера с Федором почти не надеясь, мама – с уверенностью.

Мама Веры вышла замуж, так и не дождавшись внука и робко оправдываясь, что ей нужно о ком-то заботиться. Вера устроилась преподавателем в музыкальную студию при клубе речников, Федор получил назначение в полк связи...

Вера Михайловна подошла к окну и всмотрелась в темноту. Скучно освещенный двор был пуст. Место на небольшой стоянке, негласно принадлежавшее микроавтобусу Бражниковых, было занято незнакомой темной машиной. Это почему-то задело Веру Михайловну. Но тут же пришла мысль, что в автомобиле – полицейские. Днем, когда ребята были в парке, к ней приходили обещанные следователем специалисты.

Она еще раз подумала о том, что последние годы они с Федором почти ни о чем не говорили, кроме как об ансамбле, концертах и детях. И вот этот разговор за неделю до отъезда...

– Вера, я ухожу, – Федор стоял в дверях кухни, опираясь о дверной косяк.

– Да, Феденька, я сейчас закрою за тобой дверь, – улыбнулась она, поворачиваясь к нему.

– Я ухожу от тебя, – он смотрел на нее в упор, и Вера вдруг заметила, какой холодный и колючий у него взгляд. Что-то еще привлекло ее внимание. Что-то, чему совсем не место в кухне. Сумка. Черная дорожная сумка, которую Федор брал с собой в поездки.

– Я не спрашиваю, куда? – все же спросила она.

– Я уже два года встречаюсь...

– Так, стоп! Не нужно! – она предостерегающе подняла руку.

– Ты ничего не замечаешь и не хочешь, словно жизнь вертится лишь вокруг твоего ансамбля.

– Федор, не начинай. Решил уходить, уходи. Только давай все же подумаем о детях.

– При чем здесь они?

– Мы только что договорились о поездке на фестиваль в Краков. Как ты думаешь, я справлюсь без тебя? Даже Кати не будет!

– Я поеду с вами, Вера. Все останется по-прежнему, только жить буду не здесь. Вера, отпусти меня! – он взялся за сумку.

– Да я, вроде, и не держу. Прости, Федя, голова кругом – неделя осталась, а документы не готовы, – она неопределенно махнула рукой.

– Я завтра с утра заеду, решу этот вопрос, – Федор зло развернулся и накинул ремень сумки на плечо. – Безнадежно... ты меня не понимаешь!

Она отвернулась и ничего не ответила. Чтобы он не услышал ее севший от волнения и боли голос...

Только Семка спросил, где отец. Остальные уже давно все о нем поняли. А она, Вера, действительно ничего не видит и не слышит, кроме детей и музыки.

Нужно было сразу позвонить Федору и рассказать о Кате, но она почему-то об этом подумала только сейчас. Константину Лыкову вот позвонила, рассказала все, а ему нет. Костя следователя Борина знает, уже хорошо.

Звонка от похитителей она так и не дождалась. Вера Михайловна еще раз выглянула в окно – темная машина стояла на прежнем месте.

Посмотрев на часы – половина двенадцатого ночи, – Вера Михайловна достала из кармана домашних брюк мобильный. Отправив сообщение бывшему мужу, облегченно вздохнула: прочтет, а там пусть сам решает, приезжать ему или нет.

Глава 14

Он не должен был соглашаться на эту работу... Чутье подвело! Впервые! Впрочем, в этом деле все впервые. Нарушенное правило: не связываться со знакомыми. И тем более напрямую, без посредников. Был случай – он знал, от кого заказ, а заказчик знал, кто исполнитель. Ничего хорошего не вышло – лишнее тело. Не жалко было человека – дрянь был, многим дорогу перешел, подленько гадил, а поймать за руку не могли. К внешности крысиной – такой же характер. Если бы все им кинутые узнали, что он, Алекс, оказал такую услугу – убрал гниду, скинулись бы на дополнительный гонорар! Но прецедент был, и Алекс решил больше не рисковать. А тут...

...С самого начала заказ насторожил. С фотографии смотрела Анка Хмелевская. Этого быть не могло. Приглядевшись, понял – не она. Эта была немного, но старше. Снимок был любительский, девушка смотрела слегка в сторону, явно не подозревая, что на нее нацелена камера. Алекс уж было хотел сказать «нет», как вдруг мысль, что заказчик не остановится, найдет для исполнения задуманного другого человека, заставила быстро согласиться. Именно в тот момент и пришло решение – оставить в живых девушку. По крайней мере до тех пор, пока не разберется, за что ее приговорили, и какое отношение она имеет к Анке.

Конечно, такое четкое сходство с Анкой могло означать только одно – родство. В двойника в данном случае не верилось: и заказчик, и он сам знали семью Хмелевских довольно близко. Он выдержал паузу, давая заказчику возможность объясниться, но дождался только фразы: «Я плачу, ты делаешь». Это был и его принцип в работе, поэтому взял конверт с авансом, карту на расходы и фотографию, прочел на обороте имя, адрес в России. Вышел из машины, пешком дошел до парковки, где оставил свой автомобиль. Посидел немного с заведенным двигателем, рассматривая фотографию, и направился в Кшешовице на квартиру.

Анку застал в полной отключке. Выкинув использованный шприц и слегка прибрал разбросанные вещи, Алекс устроился с ноутбуком за кухонным столом. Нужно было заказать билеты, гостиницу и собрать информацию о Катерине Шторм. Интернет выдал весьма скудные сведения. Конкретно было сказано только, что она – солистка ансамбля народных инструментов «Домисоль». Уникального ансамбля: музыкальной семьи, руководителем которого была Вера Михайловна Бражникова.

В России он не был семь лет...

...Алекс родился в Иркутске. Жили в большом срубовом доме на окраине – дед, бабушка, родители и он. Дед Андрей был парторгом цеха на одном из заводов, бабушка учила первоклашек в школе, родители строили дома. Обычная жизнь типичной советской семьи. Алекс так и не знает до сих пор причину, по которой они с дедом и бабушкой вдруг переехали в небольшую деревню под Куйбышев. Ему было всего девять, уезжать от друзей не хотелось никак, и он злился на родителей, которые не захотели оставить его у себя. Правда, в Дарьевке они прожили всего два года. Куйбышев вновь стал называться Самарой. В квартире, которую родители купили, наконец-то решившись на переезд из холодного Иркутска, Алексу выделили отдельную девятиметровку с окном на шумную улицу. И он успокоился...

Билеты удалось купить только на ночной рейс с пересадкой в Хельсинки. Он планировал вернуться через неделю, допустив, что для решения загадки с похожестью двух девушек такого срока вполне достаточно. Алекс был уверен, что все, что задумал, пройдет гладко. Он ошибся.

С момента, когда впервые близко увидел Катю, все пошло не так. Нет, он легко вышел на ее болтливого мужа, возненавидев того с первой минуты. Нашел жадного парня, согласивше-

гося помочь перевезти девушку. Даже мальчишка из ее семьи, которого уговорил дать ему на время ключ, чтобы сделать дубликат, поверил в сказку о великой любви незнакомца к сестре Кате сразу. Осталось дожидаться удобного момента.

Алекс видел, как вся семья погрузилась в микроавтобус. Катя стояла на крыльце подъезда, прислонившись к бетонному столбу, поддерживающему навес. Он смотрел, как девушка машет рукой вслед машине, и у него вдруг встал ком в горле. Он дернулся было на помощь, когда она, неловко повернувшись, споткнулась об угол неровно уложенной на крыльце плитки. В один момент готов был бежать к ней, схватить на руки, увезти на автомобиле, оставленном на парковке в соседнем дворе. На миг забыв, что Катя Шторм – его работа. Всего лишь объект, заказ на убийство, оплаченный щедрым авансом заказчика. Забыл, что он – наемник.

Да, он профессионал. Но рука дрогнула, когда платком, смоченным в эфире, рот девушке закрывал. И когда тащили на носилках к машине, боялся – не упала бы из-за неловкого движения на повороте лестницы! Когда это он еще так беспокоился?! И не в беременности ее дело. А в чем – сам понять не мог...

И совсем странно – осторожно перенес ее на руках из машины в дом, бережно уложил в кровать, укрыл тепло, ноги укутал – показалось, что холодные, это летом-то! И руки у него при этом дрожали... Разозлился на себя, нет, на нее, почему такая? А какая?! Ответить не смог, еще больше озлился. Отошел подальше от кровати, на которую только что присел, на самый краешек, бочком – ее не потревожить...

...Накануне вечером в деревню зашел со стороны леса, боялся, не заметил бы кто. На улочку вышел, огляделся – никого! Запустенье полное! Ни в одном дворе порядка нет. Сердце вниз ухнуло, словно понял – нет возврата в прошлое... И совсем плохо стало, когда вместо соседнего пятистенка, где бабулина подруга жила, головешки по участку были раскиданы. Что случилось-то?! Вспомнил сразу, как прощалась бабушка со своей Лилей, как плакала...

В избу их бывшую вошел, сорвав замок. Наступил на скрипнувшую половицу, вспомнив этот привычный когда-то звук, и замер. Словно зверь почувствовал присутствие человеческое. Оказалось, так и есть: бомж, не иначе, дом облюбовал: кровать застелена бельем, хотя и старым, на столе – посуда какая-никакая. Он обрадовался, что кто-то в доме жил, все ж не разруха! Даже фотографии старые на стене висели, почему-то бабушка их с собой не взяла, когда из страны уезжали... Да, вспомнил – такие же фотографии и в городской квартире в альбоме хранились.

Подумал, проблем с постояльцем не будет, дождется его, кому тот нужен? Не проблема для него временный жилец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.